

ПОЛИНА НИКИТИНА

ОБМАНУТАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА ИЛИ
ЗАБРОШЕННАЯ УСАДЬБА
ПОПАДАНКИ

Полина Никитина
Обманутая жена дракона,
или Зброшенная
уадыба поапанки
Серия «Попаданки Алдерии», книга 1

*<https://litres.ru/73532476>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Как же так?

Я оказалась в теле молодой жены ректора самой престижной академии Королевства!

Он обвинил жену в обмане, а сам изменял с её кузиной! Выгнал из дома без гроша в кармане, но я справлюсь.

Обживу старую усадьбу на границе и придумаю, как наладить свою жизнь в тихой сельской местности.

Так, а студенты здесь откуда? Да ещё с мужем-ректором во главе. И кузину захватил?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	63
Глава 14	69
Глава 15	75
Глава 16	79
Глава 17	83
Глава 18	87
Глава 19	91
Глава 20	95
Глава 21	99
Глава 22	103
Глава 23	106

Обманутая жена дракона, или Заброшенная усадьба попаданки

Глава 1

– Ай, мамочки! Хруст сломанного каблука совсем не то, что хочешь услышать, когда опаздываешь на долгожданное собеседование.

Ещё чуть-чуть, и я успею!

Как назло, грузчики оккупировали лифт, неторопливо складировав чью-то мебель, и мне приходится спускаться по выщербленным ступенькам нашей старенькой девятиэтажки.

Спина предательски мокнет и новенькая блузка липнет к позвоночнику. Сумка бьёт по бедру жёсткими уголками, и я ускоряю бег, но нога предательски соскальзывает.

Громкий крик, неловкий взмах руками в отчаянной попытке схватиться за перила, вот только поздно: пальцы зачерпывают воздух.

Кувыркаюсь вниз, ударяясь о жесткие ступени. Боль отдаётся яркими вспышками во всем теле, выбивая из лёгких оставшийся кислород.

Мощный удар затылком о холодный кафель, и я теряюсь в крошечной тьме.

– Леди Эллеринг, вы живы?

Кто?

Какая леди?

С губ срывается протяжный стон. Похоже, у меня сотрясение мозга, раз начались галлюцинации.

Пытаюсь открыть глаза, но голову заливают горячая волна сильнейшей боли. С горлу подкатывает тошнота, и я нечеловеческим усилием переворачиваюсь на бок.

– Нельзя, – укоризненно звучит строгий женский голос, и чьи-то крепкие руки уверенно возвращают меня на спину. – Позвольте целителю сделать своё дело. Для вашего же блага, леди.

Хватка незнакомки стальная, как у бульдога. Понимаю, что у меня нет сил сопротивляться, и покорно расслабляюсь. Может, так мне станет легче, и странные голоса утихнут?

– Виктория, не волнуйся, все будет хорошо, – в отличие от женского, мужской голос мягкий и тягучий, как смола. Его уверенность немного успокаивает, а боль слегка притупляется. – Вы сильно ударились головой, но мы это поправим.

“Надо же... – мысли жужжат в голове как сонные мухи, откашиваясь складываться в длинные фразы. – Откуда-то знают имя... А, наверное, увидели паспорт.”

Странная теплая энергия проникает под кожу тысячами мягких ниточек. Они слегка покачиваются и будто поглажи-

вают оголённые нервы. Заполняют каждую клеточку тела, щекоча лёгким покалыванием.

Удивительно, но напряжение покидает тело, а на смену острой боли приходит спокойствие. Веки тяжелеют, и я неуклонно проваливаюсь в крепкий сон...

Громкий, требовательный стук бьёт по вискам молотком. Словно кто-то взял кувалду и лупит со всей дури по железной рельсе.

– Карла, попроси лорда ректора немного подождать, – раздражённо шепчет мужчина, и в интонации проскальзывает липкий, затаённый страх.

Лорд ректор?

Вот нелепость! Поскорее бы прийти в сознание.

Сквозь дрему я слышу удаляющиеся шаги, негромкий скрип двери и едва различимый шепот:

– Лорд Эллеринг, не волнуйтесь, мы скоро законч...

– Я сам решу, когда мне волноваться, Карла. Выйдите и закройте дверь с другой стороны.

В любое другое время, услышав приятный баритон с чарующей хрипотцой, я бы извертелась, чтобы рассмотреть его обладателя. Должно быть, он редкостный красавец!

Но почему меня пробирает дрожь, а внутри всё невольно сжимается от страха?

– Жива?

Ужас! Что за брезгливые интонации?

Я ж человек, а не животное!

Да и зверькам подобного отношения не пожелаешь.

– Жива, милорд, – с фальшивой невозмутимостью отвечает целитель, касаясь прохладными подушечками пальцев моего влажного лба. – Осталось совсем немного.

– Благодарю.

Звучит неискренне.

Скорее бы прийти в себя и убедиться, что я лежу на больничной койке, а поблизости ворчит хмурая медсестра.

Мне однозначно не нравится этот сон. Однако проснуться не получается.

Думать становится легче. Боль почти исчезла, а покалывание становится едва заметным. Ощущая рядом движение воздуха и слышу усталое:

– Я закончил, милорд. Леди Эллеринг нужен покой и...

– Вы свободны.

– Но...

Недоброе предчувствие разливается по венам промозглым осенним холодком. Хочется открыть глаза, схватить целителя за руку и попросить не оставлять меня вдвоём с этим грубияном.

Даже на расстоянии я чувствую мощную, давящую силу вошедшего мужчины. Такой привык брать, завоёвывать и подчинять, не спрашивая чужого мнения.

– Байрон, я хочу побыть наедине со своей женой, – цедит сквозь зубы ректор, и мой спаситель с горестным вздохом подчиняется.

Створка мягко захлопывается, и я открываю глаза.

Глава 2

Потолок сверкает идеальной белизной. По углам вьётся незамысловатая лепнина, стены окрашены бледно-жёлтой краской. Хочу поправить блузку, но пальцы скользят по гладкой атласной ткани с кружевным воротником.

Подождите!

А как же мой мягкий шифон?

Я за эту блузку выложила треть зарплаты!

– Посмотри на меня, – требует незнакомец, и я покорно опускаю глаза, с изумлением рассматривая высокого, широкоплечего bruneta в старомодном камзоле, которому он удивительно идёт.

Плотная ткань цвета горького шоколада с вышивкой золотыми нитями обтягивает сильные плечи, узкую талию и заканчивается чуть выше колена. Белоснежная рубашка растёгнута на две пуговицы, обнажая загорелую шею и чётко очерченный подбородок, покрытый лёгкой, однодневной щетиной.

Его можно было бы назвать жгучим сердцеедом, если бы не взгляд. Чёрные глаза излучают живую ненависть ко мне, а рот искривлён в едкой, бьющей по самолюбию ухмылке.

Невольно отодвигаюсь на самый край, искренне не понимая, кто это и чем вызвано такое отношение.

Мы ведь незнакомы!

Да и палата какая-то... Как бы это правильно сказать...
Несовременная.

Две кушетки, тумбочка и старая железная раковина.

Делаю вдох и готовлюсь высказать этому хаму всё, что думаю о его поведении, как глаза застилает пеленой, и в памяти всплывает странная сцена.

Захожу в высоченные, широко распахнутые двери. Холл кишит студентами, и все, как по команде, кланяются мне.

– Доброго дня, леди Эллеринг!

– Прекрасно выглядите, леди!

– Леди Эллеринг, вы свежи как майская роза!

Вместо того, чтобы спросить, кто такая эта загадочная леди, я раздаю улыбки и вежливо отвечаю на каждое приветствие. Уверенно пересекаю холл, держась правой стороны и тороплюсь к широкой мраморной лестнице.

Мне нужен пятый этаж, где находится ректорат.

В груди томительное волнение. Сегодня годовщина нашей свадьбы с Эйваром, и мне не терпится преподнести ему сюрприз! Уверена, он будет счастлив!

Как же тут много ступенек.

Между третьим и четвёртым этажом встречаю мисс Фэлш, секретаршу Эйвара. Встревоженная женщина, завидев меня, поправляет очки на переносице и всплескивает руками.

– Леди Эллеринг, что за напасть! Лиззи опять набедокурила! Ректор рвёт и мечет! Вызвал её в кабинет и орёт так,

что стены дрожат!

Грудь наполняется нешуточной тревогой. Дыхание перехватывает, и я прячу за спину дрожащие руки.

Почему моя неугомонная кузина вновь испытывает его терпение! Знает же, что с драконом шутки плохи, и...

– Оглохла? – ледяной голос вонзается в мою голову острой иглой, вырывая из странного видения.

– А? – растеряннo хлопаю глазами, чувствуя странную смесь страха и стыда. Будто я сделала нечто дурное и должна за это оправдываться.

Гадкий, гадкий сон!

Щипаю себя за запястье, но проверенный трюк не срабатывает. На коже белая отметина со следами ногтей. Я по-прежнему в странной палате, и надо мной нависает пугающий тип в одежде из средних веков.

– Ты хоть понимаешь, что натворила, Виктория? – от того, как незнакомец произносит моё имя, хочется спрятаться под кровать и носа не высовывать, пока он не уйдёт куда подальше. – Кто тебе позволил открывать рот без разрешения?

Мало того, что редкостный хам, так ещё и пристал к посторонней женщине!

Может, это он ударился головой, раз счёл меня своей женой?

– Вы...

Хочу сказать “обознались”, но видение возвращается.

Дверь в ректорат приоткрыта. Приёмная пустая, а за две-

рю слышится странный шум. Вроде, не ругаются, и мне бы порадоваться, но сердце тревожно сжимается и бьётся так, словно хочет вылететь из груди.

Густой ковровый ворс скрадывает звук моих шагов. Пальцы касаются прохладного металла круглой дверной ручки, и до моих ушей доносится радостное воркование Лиззи.

Тяну на себя створку, готовая от души пожурить непутёвую кузину, и застываю камнем, глядя как мой муж, мой Эйвар, ректор академии и штормовой дракон жадно целует хрупкую блондинку с тонкой талией, что льнёт к его груди и цепляется розовыми ноготками за напряжённые, бугрящиеся плечи.

Глава 3

Страх перед грозным мужчиной, чьё выражение лица мрачнее самой чёрной тучи, сменяется горькой обидой. Не знаю, почему я помню все эти детали до малейших подробностей, ведь эта женщина – не я!

Однако сердце бешено колотится, в ушах стоит оглушительный шум. Хорошо, что я лежу, а то чувствую, будто земля уходит из-под ног!

"Как они могли?" – предательская мысль пульсирует в моей голове, причиняя почти физическую боль. Внутри меня что-то ломается, разбивается на мелкие осколки. Предательство двух самых близких мне людей бьёт сильнее, чем я могу представить!

Подождите!

Мотаю головой, чувствуя себя так, будто схожу с ума.

Каких близких?

Я вообще первый раз вижу этого грубияна!

– Виктория, – ректор обманчиво тихо произносит моё имя, но в нём отчётливо слышна угроза, – когда я спрашиваю, ты тут же отвечаешь и не заставляешь меня ждать.

Стискиваю зубы, отодвигая душевную боль на задний план. Я обязательно выясню, что со мной происходит, но только не сейчас. Надо отделаться от этого пугающего нахала и в одиночестве уже как следует пораскинуть мозгами.

Мысленно считаю до трёх, вскидываю подбородок вверх, смело встречаясь взглядом с удивительными, похожими на два бездонных омута, глазами, и спокойно отвечаю:

– Вы обознались, лорд... – ай, забыла, как его там. Но это сейчас неважно. – В общем, я не ваша жена. Поищите её в другой палате.

Секунда, две... Ничего не происходит.

Мир вокруг будто исчезает.

Остаётся только мы двоём.

От стального взгляда по коже бегут испуганные мурашки. В странной блузке становится невыносимо жарко, ещё и спина начинает чесаться. Пытаюсь отодвинуться к высокому подголовнику, вдавливаясь лопатками в подушку, но лорд делает шаг вперёд и молча хватается меня за запястье.

– Пустите! – я пытаюсь брыкаться и извиваюсь, стараясь избавиться от цепкой хватки. Сдавливает словно охотничий капкан, впиваясь подушечками пальцев в нежную, белую кожу, там где просвечивают тонкие голубые венки.

С нечеловеческой силой, будто я легчайшая пушинка, он подтягивает меня к себе и дёргает вверх, вынуждая встать перед ним на колени. Хорошо хоть, не на полу, а на кровати.

– Раз отказываешься говорить, значит, будешь слушать меня внимательно, – холодно цедит сквозь сжатые зубы.

В голове бьётся паническая мысль: “Псих! Точно! Ненормальный!”

А с такими лучше не связываться. Потерплю, сделаю вид,

будто подчиняюсь, а потом найду главврача и потребую вызвать полицию!

– Сейчас вернётся Байрон, и ты извинишься перед ним за то, что вылетело из твоего рта, – с каждым словом пальцы давят сильнее, и на глазах выступают непрощенные слёзы. Мужчина склоняется надо мной, опасно приближаясь, и я уже чувствую на коже жар его дыхания. Что-то глубоко сокрытое, истинно женское, отзывается на эту близость, растекаясь горячим ручейком по венам.

– Не понимаю, о чём вы, – держусь из последних сил, на морально-волевых. Ещё секунда и я разревусь от боли и обиды, рвущих душу в клочья.

Вспышка и перед глазами мелькает калейдоскоп из хаотично сменяющих друг друга картин.

Мотаю головой, не в силах поверить в предательство тех, кого я так любила!

Мой Эйвар, я его боготворила и хотела стать для него лучшей женой на свете! Спутница штормового дракона должна быть тихой, услужливой и незаметной.

“Удобной”, – со странной ухмылкой поправляла меня кузина, когда я делилась с ней счастливыми моментами нашей недолгой семейной идиллии.

И Элизабет. Лиззи. Та, что смешливо закатывала глаза и фыркала, когда я взахлёб рассказывала о том, что Оракул выбрал меня в пару одному из влиятельнейших драконов королевства.

Сильному, мужественному, красивому!

О нём мечтали все незамужние девушки, а я стала его...

Единственной?

Какая ирония.

Мне бы скрыться, исчезнуть, раствориться в воздухе и забыть о том, что видела.

Но с губ слетает тихий всхлип, и чуткий драконий слух улавливает неожиданного свидетеля. Эйвар решительно снимает руки Лиззи со своих плеч и разворачивается лицом ко мне.

– Что ты здесь забыла?

Медленно отступаю. Дракон страшен в гневе, а я его разозлила. Он неумолимо движется ко мне, и краем глаза замечаю, как Лиззи цокает языком в излюбленной манере, сложив руки на груди.

Это просто невыносимо!

Разворачиваюсь и бегу прочь под яростный окрик:

– Остановись или пожалеешь!

И, как всегда, он оказывается прав.

Вместо того чтобы слушаться и повиноваться, я лишь ускоряю бег, подгоняемая ярким видением ядовитого поцелуя перед глазами. За спиной приближаются тяжёлые шаги, и я уже почти у лестницы, как чувствую сильнейший толчок в спину, и лечу вниз.

Тело пронзает острая боль. Скатываюсь по длинной лестнице, кажушейся бесконечной. Бьюсь головой, царапаю ру-

ки, ломаю ногти, пытаюсь уцепиться хоть за что-то, что сможет прекратить эту муку.

Последнее, что я вижу – лица целителя и мужа, едва заметные сквозь красную пелену. Все чувства и ощущения медленно угасают, одно за другим, растворяясь в глухой, чёрной вечности.

Слышу обрывок фразы Байрона Бэлтона – декана факультета целителей:

– Леди, ну как можно быть такой неловкой?

И делаю то, на что никогда бы не осмелилась:

– Эйвар... столкнул... меня...

Тело прошивает молнией. За одно мгновение все разрозненные кусочки складываются в мозаику, и я понимаю, что случилось.

Каким-то образом, я попала в тело той самой Виктории и видела её последние воспоминания.

Может быть, это потому, что мы обе упали с лестницы? Возможно ли такое, что два человека в параллельных мирах, сделавшие одну и ту же вещь в один момент, способны поменяться телами?

И что мне делать с Эйваром?

Времени на раздумья нет. Мне нужна передышка, а то вон сдавленная рука уже из красной превращается в синюю.

Делаю невозможное для той меня, что осталась в земном мире. Опускаю глаза, мысленно ругая гада на все лады, и тихим голосом отвечаю:

– Простите, мой лорд, я...

Осекаюсь.

Неловкая пауза.

Надо тщательно подбирать слова, чтобы он не заподозрил чего-то странного.

Фух, рискнём.

– Я... я ошиблась. Как мне загладить свою вину?

Глава 4

Морщинка на переносице тирана слегка разглаживается. Пальцы, держащие моё несчастное запястье, ослабляют хватку, но когда я уже праздную маленькую победу, они снова сжимаются сильнее прежнего!

– Ай! – жалобно кричу и тут же шиплю, вбирая воздух сквозь сжатые зубы. – Больно!

– Заслужила, – жёстко отвечает лорд-ректор. Верхняя губа дёргается в презрении, и он отшвыривает мою конечность так, словно это ядовитая змея.

“Вот скотина! – мысленно распекаю на все лады, морща нос и прижимая руку к груди. Пальцами другой растираю кожу, пытаюсь восстановить нарушенный кровоток. – Да как Виктория могла влюбиться в этого бессердечного, чёрствого...”

– Загладить вину, говоришь, – бесцветным голосом произносит муж и подходит к окну, сложив руки за спиной. Смотрит куда-то вдаль, будто позволяя мне рассматривать его подтянутую, мускулистую фигуру.

Глаза против воли скользят по фактурной ткани камзола, которая даже на мой неискущённый взгляд выглядит неприлично дорогой. Изящная золотая вышивка, поблёскивая на свету, складывается в затейливый узор, напоминающий какой-то то ли герб, то ли символ.

На длинных, сильных пальцах поблёскивают перстни. При одном только взгляде на тёмные, мерцающие камни меня прошибает электрическим током, и я каждой клеточкой кожи чувствую исходящую от них опасность.

Вот и что мне делать?

Разговаривать со спиной? Повиниться от имени Виктории в том, в чём она не виновата?

Или попытаться достучаться до голоса разума?

Он же ректор. Глава высшего учебного заведения, если я не ошибаюсь. Значит, не обделён мозгами, и его выбрали на столь ответственную должность не за красивые глаза и грубую мужскую силу.

Задумчиво киваю, погружённая в свои мысли, но тут же спохватываюсь и голосом отвечаю:

– Да, лорд...

Да чтоб его! Фамилия всё время вылетает из головы.

– Что ж... – нарочито медленно тянет бессердечный деспот и, наконец, разворачивается. Складывает руки на груди, отчего ткань красноречиво натягивается, демонстрируя мне литые, округлые плечи, и смотрит сверху вниз, как на раздавленную букашку.

Ноздри брезгливо трепещут, будто его воротит от моего присутствия.

“Ну и проваливай,” – обиженно ворчу про себя. Кошмарный мужчина, хоть и внешность лучше, чем у знаменитых австралийских пожарных. Одним взглядом способен срав-

нять меня с грязной половой тряпкой.

– Во-первых, Виктория, – произносит моё имя, точнее, имя его жены. Слегка кривит рот, будто съел что-то горькое.
– Ты напишешь письмо с извинениями за клевету.

Письмо?

Что за странные тут порядки.

Да я хоть сейчас соберу толпу и публично объявлю, что лорд-ректор меня не толкал. Настоящая я сама упала, поскользнувшись на ступеньках в родном подъезде.

– Я могу и сказать, мне не сложно, – сбивчиво пытаюсь донести свою мысль, но он снова меня перебивает.

– Сейчас я говорю, – неприязненно цедит сквозь зубы. – Мы это уже проходили, Вик... Жена. Не укладывается в тебе наука послушания. Даже я тут бессилен.

А, теперь ему неприятно произносить имя своей супруги. Ну хоть “жена”, а не “существо”. И на том спасибо.

Наука послушания, тоже мне.

Едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. На всякий случай прикрываю рот ладонью, чтобы не спровоцировать жестокого самодура.

В душе закипает злость на несправедливость ситуации. Терплю из последних сил, лелея надежду выплеснуть всё, когда муж соизволит уйти.

– Советую искренне раскаяться, когда будешь писать письмо. Совет проверит его на правдивость твоих слов.

“Как? – во мне снова просыпается неуёмное любопыт-

ство. – Закажет графологическую экспертизу? Будет проверять правду по хвостикам букв?”

А следующая мысль окончательно вгоняет меня в ступор.

Если я в другом мире, как я могу писать? Я ж знаю только русский и английский. Ну ещё немного пробовала учить индонезийский, корейский, японский... Правда, усидчивости хватало максимум на месяц.

Эйвар медленно надвигается на меня. Шаг за шагом. Будто загоняет в угол обессиленную добычу. Знает, что я не сбегу, и предвкушает момент, когда вонзит клыки в незащищенное горло.

Надеюсь, только символически.

– А после...

Ох, зря он сделал паузу.

Язык поворачивается сам собой, и с губ слетает жалобный писк, в котором прячется затаённая надежда:

– Развод?

– О нет, – тиран коротко усмехается и качает головой. – В роду Эллеринг не бывает разводов. Тебя, маленькая, глупая лгунья, ждёт участь гораздо хуже.

Глава 5

Что может быть хуже?

Остаться навсегда в теле бесправной жены и жить рядом с этим чудовищем, которое называет себя моим мужем?

На красиво очерченных губах блуждает зловещая ухмылка, словно он уже решил мою участь и оттягивает момент, наслаждаясь моим испугом.

Вот только я – не та скромная, милая Виктория, которая была очарована силой, звериной красотой и мощью. Я прошла и через болезненный обман, и мучительно горькое расставание, когда пришлось прибегнуть к помощи врачей.

Я была разрушена до основания и собрала себя заново.

Что бы ни случилось – я не сдамся. И уж тем более не позволю шпынять себя зарвавшемуся наглецу, что зажимал на рабочем столе двоюродную сестру моей предшественницы.

– В течение суток Совет убедится в твоей лжи, – холодно чеканит лорд-ректор, прожигая взглядом до бегающих по позвоночнику мурашек. От пристального внимания алеют щёки, а сердце невольно ускоряет ритм.

“Говори что хотел, и уходи,” – мысленно прошу дракона. Интересно, он умеет читать мысли?

Хотя, если бы мог, сразу понял, что вместо жены на него смотрит другая женщина.

– Как прикажете, – смиренно отвечаю, надеясь лишний

раз его не раздраконить.

“Раздраконить дракона,” – хмыкаю про себя, глядя на Эй-вара исподлобья.

– После оглашения вердикта ты немедленно покинешь Алдервилль и отправишься в Змеиную Пасть. И до моего разрешения ты не имеешь права покидать границы поселения. Впрочем, его ты уже никогда не получишь.

Громкий, жёсткий голос режет воздух подобно острому кинжалу. Холодный взгляд, лишённый даже крохи сострадания, пронзает меня насквозь, словно пытаюсь проникнуть в самую душу.

“Какой же ты подлец, – думаю про себя, испытывая жгучую неприязнь к чёрствому упырю. – У тебя едва не погибла жена, а ты готов сбагрить её подальше, прямиком из больницы палаты? Как, уже сегодняпустишься во все тяжкие?”

Прикладываю невероятные усилия, чтобы подавить рвущийся наружу гнев. Надо быть покорной, хотя бы до тех пор, пока он присутствует в моей жизни. Перспектива высказать всё, что думаю об этом мерзавце, до ужаса соблазнительная, но боюсь, он может вышибить из меня дух одной лапой.

Точнее, рукой.

И отмажется тем, что учил супругу послушанию.

Смотрю в бесстрастное лицо, похожее на каменную маску, пытаюсь понять, что же такого страшного в этой Змеинной Пасте? Лорд внимательно наблюдает за мной, отслеживая каждое моё движение, каждый жест.

Ждёт, что я начну умолять о пощаде?

Да хоть в лес к волкам, лишь бы быть от него подальше.

– Теперь поняла, чего тебе стоила твоя же ложь? – резким движением лорд хватается меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

Пытаюсь зажмуриться, но он давит сильнее, и я распахиваю веки, смаргивая выступившие слёзы.

Длинные пальцы с аккуратными ногтями впиваются в мою нежную кожу. В глазах с тонким вертикальным зрачком пляшут огоньки злорадства. Дракон наслаждается моментом, предвкушая мой страх и отчаяние.

– Вижу, что понимаешь, – удовлетворённо кивает. – Признаться, я даже рад. Избавлюсь от бесполезного балласта. Какой в тебе прок, если ты не способна зачать наследника рода Эллеринг? Только и можешь, что быть унылой, серой тенью, от одного вида которой хочется...

Неожиданно он осекается на полуслове и, чуть склонившись вперёд, втягивает носом воздух над моей макушкой.

Злость, растущая во мне с каждым произнесённым им словом, застывает липким, скользким комом. Все посторонние звуки исчезают, и я слышу лишь громкий стук двух сердец – человеческого и драконьего, бьющихся в унисон.

Наваждение длится всего пару секунд, но их хватает, чтобы оставить меня в полном раздрае.

Эйвар отшатывается от меня, как от прокажённой, и поворачивается спиной, удаляясь в сторону двери.

– Тебе соберут самое необходимое и доставят в академию. В поместье Эллеринг дорога для тебя закрыта. Бумагу и перо принесут с вещами, передашь письмо лично в руки Бэлтону.

Смотрю ему вслед, едва сдерживаясь от желания показать ему неприличный жест. Хлопок двери и густая, звенящая тишина красноречиво говорят о том, что кошмар по имени “Эйвар Эллеринг” закончился.

– Надеюсь, больше мы не встретимся, – слова слетают с губ, будто отравленные стрелы, выпивая из меня оставшиеся силы. Вытягиваюсь на кровати во весь рост и закрываю глаза, пытаюсь понять, насколько круто поменялась моя жизнь.

Ещё утром я была Викторией Селезнёвой, обычной жительницей с окраин большого города. Работала в крохотной фирме секретарём, а по вечерам развлекалась просмотром роликов о жизни людей в средневековье.

А теперь я в теле молодой жены какого-то зарвавшегося тирана. И придётся солгать, чтобы спасти своё новое будущее. Я же помню, как Викторию толкнули в спину. С такой силой, которая есть только у мужчины.

А он...

Угрожает слабой девушке, чтобы не запачкать свою шкуру и выйти сухим из воды.

Что ж, пускай. Напишу всё, что хочет, уеду в это змеиное логово или как там его. Вряд ли там будет плохо. Зато я начну всё сначала и буду далеко от этого жестокого дракона. Как можно дальше от его холодных глаз и грубых рук.

Мысленно собираю вещи и готовлюсь к путешествию в неизвестность, которое, как ни странно кажется мне началом чего-то нового и захватывающего. Мне представляется небольшая деревенька в несколько домов, требующих мелкого ремонта. Вокруг лес или бескрайние поля. Речка журчит неподалёку.

Подружусь с местными, вряд ли они откажут в помощи одинокой девушке. У мамы с бабушкой была дача с огородом. Вспомню, как работать руками и не пропаду!

Вовсю планируя новую жизнь, я не сразу слышу тихий стук. Не дожидаясь моего ответа, дверь открывается, являя на пороге Лиззи с дорожной сумкой наперевес.

Глава 6

– Можно? – шепчет кузина, опустив глаза и сминая в пальцах кожаную ручку. Размеры у сумки внушают уважение, только вот судя по лёгкости, с которой та удерживает её на весу – вещей там немного.

– Заходи, – равнодушно пожимаю плечами и сажусь на край узкой койки, застеленной мягким шерстяным покрывалом.

Возможно, та Виктория чувствовала бы злость и горькое, обидное, до невозможного, предательство. Но я вижу девочку впервые, если не считать видения, и обнаруживаю в груди гулкую, звенящую пустоту.

Лиззи неуверенно приближается ко мне, поставив сумку на пол. Осторожно поднимает на меня глаза – ярко-голубые, с красными прожилками сосудов на белках, будто она плакала несколько часов кряду. С длинных ресниц срывается крупная, прозрачная слезинка.

– Вики, я... я принесла тебе вещи. Клянусь, я не хотела, но лорд-ректор приказал....

– Лорд-ректор? – с губ срывается ледяной смешок.

Нет, я не ревную, боже упаси, но такая откровенная фальшь выводит меня из себя.

– Твой муж, – выдержав паузу, произносит она, и я каждой клеточкой кожи ощущаю, как тяжело даётся ей это при-

знание.

Что ж, она, по крайней мере, не пытается оправдываться. Понимает, что не отвертеться, и старается делать хорошую мину при плохой игре.

— Здесь твоя любимая ночная сорочка... — девчушка, стоя передо мной с опущенной головой, как злостная прогульщица перед строгим учителем. Загибает пальцы с полукруглыми ноготками, выкрашенными в жемчужно-розовый цвет.

Ну прям сама невинность!

Любимая ночная сорочка! Рылась, значит, в нижнем белье старшей родственницы? Откуда ей знать, в чём Виктория ложилась спать, будучи замужней?

— Книга, которую ты так и не дочитала, и пару платьев на выход. Я подумала, что тебе это пригодится.

— Спасибо, — как бы я ни старалась, язвительность лезет из меня как тесто из квашни. — Интересно, как много в Змеиной Пасти мест, где можно выгулять выходные платья?

Тонкий, звенящий голосок, срывается на громкий плач, и Лиззи крепко обнимает меня, безостановочно всхлипывая во весь голос. Чувствую, как блузка промокает от её слёз и неприятно холодит кожу в районе плеча. А нос начинает свербеть от сладких до приторности духов.

— Вики, я не хотела! Ты же знаешь, какой он злой и страшный!

В это я верю.

Уже убедилась.

– Я хотела всего лишь отвлечь милорда! Рассказала смешной случай, который произошёл со мной на первой паре, а он...

А он тебя, чёрт возьми, поцеловал, и ты была рада! Вон как цеплялась за чужого мужчину.

Как утопающий за соломинку.

Оглаживала сильные плечи и мощную шею вот этими самыми пальчиками с розовыми ноготками.

В голову приходит глупая мысль, от которой мне хочется нервно рассмеяться: никогда больше не покрашу ногти в розовый.

– Вики, как мне жить без тебя? – завывает кухня, заходясь сильным кашлем и выпуская меня из липких, давящих объятий. – Я не хочу оставаться в одном доме с лордом Эл-лерингом!

Да что ты?

Отголоски той боли, которую испытала Виктория, смешиваются со злостью, что копится во мне на предательницу-кузину. Я нахожусь на волоске от того, чтобы взорваться и вышвырнуть за дверь обнаглевшую девчонку.

– А что тут думать? – цежу сквозь зубы, обдавая её ледяным презрением. – Поехали со мной в Змеиную Пасть. Там-то уж лорд точно тебя не достанет.

Глупая дурочка тут же прекращает рыдать.

Отшатывается от меня, вытирая раскрасневшееся, влажное от слёз лицо ладонями. Мой взгляд против воли сколь-

зит по тоненькой фигурке, и я не могу не заметить провалы в её подготовке к драматичной сцене.

Слёзы, рыдания, растрёпанные волосы. Всё кричит о том, что бедняжка переживает из-за страшной участи, выпавшей её кузине.

Однако я до сих пор помню, как выглядели девушки-студентки в холле. Пиджаки, застёгнутые на все пуговицы. Блузка с высоким воротом скреплена на горле голубой брошью в виде какого-то многогранника. Юбка ниже колена.

И Лиззи, извивающаяся на ректорском столе без пиджака, блузка расстёгнута на две верхних пуговички, юбка едва прикрывает стройные бёдра и открывает взору длинные, соблазнительные ножки.

Да она явилась на разбор полётов во всеоружии!

– Поверь мне, я бы с радостью поехала за тобой куда угодно, – шелестит, пытаюсь одёрнуть юбочку пониже. – И я знаю, что ты видела... Вики, это была ужасная ошибка. Клянусь, я никогда не хотела причинить тебе боль! И Вики, родная, ты единственный мой близкий человек! У нас никого не осталось после того страшного дня! Только мы друг у друга!

Смотрю на неё и чувствую, как внутри меня разрастается холодная, выжженная морозами пустыня. За слезами и мольбами о прощении скрывается что-то ещё, какая-то тайна, которую она и хочет, и одновременно боится рассказать.

– Позволь мне попросить у тебя сущую ерунду! Одну-единственную! – умоляет Лиззи и неожиданно опускает-

ся передо мной на колени, обхватив руками мои ладони.

– Что ж, говори,– вздыхаю, понимая, что это и есть цель её визита. И чем скорее мы разберёмся, тем скорее она уйдёт.

Однако стоит только услышать её “сущую ерунду”, как мне хочется забыть обо всех приличиях и собственноручно вышвырнуть маленькую нахалку за дверь.

Глава 7

– Попроси, пожалуйста, лорда Эллеринга, не урезать твоё содержание, – на белом глазу заявляет беспардонная кузина. – Тебе в Змеиной Пасти не понадобится много денег, а мне необходимо хорошее приданое.

У меня невольно дёргается левый глаз. Её тонкий голосок, жалостливый до слёз, сверлом вонзается в мой мозг.

– Ты серьёзно? – тихо усмехаюсь, склонив голову набок и подавляя в зародыше желание схватить нахалку за локоны и выволочь за дверь.

О-фи-геть.

Других слов не подобрать. Если только непечатные.

– Ну пожалуйста, Вики! Три года пролетят незаметно, и сразу после окончания академии я планирую выйти замуж. Ты же знаешь, как мне нужно это приданое! А лорд Эллеринг такой состоятельный, для него это сущие гроши! И как бы он ни был зол, милорд не оставит тебя без средств к существованию, – причитает Лиззи, пылко сжимая мои ладони.

Чувствую, как внутри меня закипает гнев.

Да как она смеет?

Какая невероятная наглость!

Щёки вспыхивают от возмущения, и я вырываю ладони, сжатые в кулаки.

Надо держать себя в руках. Потерплю и больше никогда

не увижу эту чудовищную семейку.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

“Не опускайся до её уровня,” – мысленно приказываю себе.

– Сама попроси, – едко усмехаюсь. – Как я заметила, вы уже нашли общий язык.

Лиззи, готовая умолять, мигом умолкает, заливаясь краской, а у меня начинает пульсировать в висках.

Волна отвращения накрывает с головой, сметая остатки жалости к этой нахальной пигалице. Как можно быть такой бессовестной?

– Ты – мой единственный близкий человек, – кузина плаксиво кривит губы, кое-как справившись со своими эмоциями. – Ты обещала заботиться обо мне!

Только вот её слёзы, которые она, несомненно, считает трогательными, вызывают у меня лишь брезгливость. Ногти впиваются в ладони – так сильно я стискиваю кулаки.

Обстановка накалена. Смазливое личико кузины покрывается некрасивыми пятнами, а из глаз градом катятся слёзы.

– Тебя же совесть замучает! – всхлипывает, размазывая ладонями солёную влагу по щекам. – Хочешь сгореть со стыда, когда наши знакомые узнают, что я останусь без выгодной партии? Подумай, что скажут люди!

Закатив глаза, пытаюсь абстрагироваться от этого цирка. Волна стыда, и правда, накрывает меня – стыда за неё, за то, что мы родственники.

Ох, Виктория. Удружила. Как же мне тебя жаль.

Внутри бушует ураган эмоций – гнев, отвращение, разочарование. Но внешне я остаюсь спокойной.

– Я ни о чём не попрошу лорда. Разве что оставить меня в покое и забыть о моём существовании. Никаких денег, дотаций, пособий и содержания, – говорю громко, уверенно, чеканя каждый слог и делая акцент на каждом слове. – Разговор окончен, Элизабет.

В палате повисает звенящая тишина, которую прерывает громкий стук и вежливое покашливание.

– Леди Эллеринг, лорд-ректор просил передать, – лепечет вихрастый мальчишка лет восемнадцати в белом халате с эмблемой академии на нагрудном кармане. Не решается зайти в комнату, поэтому с порога протягивает конверт с металлической палочкой, похожей на перьевую ручку.

Лиззи порывается встать, но я её опережаю. Вежливо улыбаясь, благодарю практиканта и демонстративно иду к столу, придерживая свободной рукой длинную юбку.

– Ты всегда была эгоисткой, – кузина шипит мне в спину, как раздражённая гадюка. – Бессердечная! Раз сама отправляешься на верную смерть, так решила и меня оставить ни с чем?

Сажусь на край хлипкого стула с шатающейся ножкой. достаю из конверта чистый лист и со всеми предосторожностями провожу заострённым кончиком маленькую чёрточку в верхнем правом уголке .

С чего бы начать.

"Заявление"?

Нет, слишком официально.

Во! Придумала!

“Признание”, – думаю на русском, а рука сама собой выводит витиеватые буквы, похожие на восточную письменность.

– Да чтоб тебя сожрали жуткие твари в Змеиной Пасти! Я! Я заберу у тебя всё, что причитается! Лорд станет вдовцом, а я стану новой леди Эллеринг! – Лиззи, отчаявшись дожидаться моей реакции, топает ногой и вихрем уносится за дверь, громко хлопнув створкой.

– И тебе не хворать, – усмехаюсь вполголоса. – Целоваться со взрослым мужчиной она, значит, не стесняется. А денег попросить боится. Сама виновата.

Ладно, надо вернуться к письму. Наглый хам сказал, что некий Совет будет проверять его на искренность. Значит, напишу как я, не поддаваясь воспоминаниям истинной леди Эллеринг.

Не знаю, про каких тварей твердила Лиззи. Но лучше они, чем холодная, надменная морда лорда-дракона и его уничижительный тон. Он ей нравится – удачи.

“Подтверждаю, что лорд Эйвар Эллеринг не толкал меня с лестницы. Я поскользнулась сама, поскольку торопилась на... “

Нет, это зачеркнём. Оставляю просто “торопилась”.

О, добавлю от себя, чтоб краснел перед Советом.

“Искренне прошу его не ругать и не наказывать. Леди Виктория Эллеринг”

Под фамилией вывожу закорючку, похожую на подпись, и убираю письмо в конверт.

– Леди Эллеринг, – парнишка снова трётся на пороге, приоткрыв дверь сразу же после деликатного стука. – К воротам прибыл экипаж. Лорд-ректор велит поторопиться.

Наверное, это местный экспресс до Змеиной Пасти.

Хватаю сумку, в другой руке держу письмо, и только выйдя в длинный, тускло освещённый коридор вспоминаю, что надо отдать его строго в руки Бэлтону.

– Так он только что уехал на срочный вызов, – виновато лепечет паренёк, разводя худенькими руками, – будет вечером. У декана по артефакторике жена рожает, а они вроде как друзья.

Желание поскорее уехать вынуждает меня забыть про наставления лорда Эллеринга, и я решительно сую письмо в нагрудный карман практиканта.

– Передайте, пожалуйста, Байрону Бэлтону.

Парнишка бледнеет и торопливо кивает как болванчик. Оставляю его позади, шагая вперёд наугад. Невольно прибавляю скорость от волнения, что спешу в новую жизнь. Верю в то, что она может быть сложной физически, но спокойной в моральном плане.

И на повороте со всей дури врезаюсь в злоющего как цепной пёс Эйвара.

Глава 8

Огонь, пылающий в глазах дракона, готов сжечь меня дотла. Пытаюсь обойти массивную фигуру, но Эйвар решительно перехватывает меня за талию, крепко впечатывая в своё мощное тело, состоящее сплошь из каменных мышц.

– Пустите меня! – хочу возмутиться, но голос становится предательски тонким, будто я кокетничаю.

А я пытаюсь вобрать в лёгкие немного воздуха, чувствуя себя почти задушенной. Ручки выскальзывают из ладони, и сумка с громким стуком ударяется твёрдым дном об пол, но, к счастью, не открывается.

– С превеликим удовольствием, – цедит сквозь зубы лорд Эллеринг, но отпускать не торопится. Ладонь, лежащая на талии, вот-вот прожжёт ткань и заклеит меня на долгую память.

– Милорд, мне пора! – перед глазами пляшут красные и жёлтые круги. Собираю остатки сил и просовываю ладони, с боем отвоёвывая жалкий сантиметр, разделяющий теперь наши тела. Под правой ладонью быстро бьётся драконье сердце, разгоняя жаркую кровь по венам, и этот стук с каким-то необычным, прежде не ощутимым трепетом отдаётся эхом в моём теле.

Будто мы едины.

– Почему ты ещё здесь, Виктория?

Он что, издевается?

Хватаю ртом драгоценные крохи кислорода и выпаливаю на остатках дыхания:

– Потому что вы меня не пускаете! Уберите руки, милорд!

Эйвар растерянно моргает, хмуря чёрные как смоль брови. Меж них залегают две глубокие морщинки, а глаза на мгновение затягивает плотная чернильная плёнка.

Однако в следующий миг она растворяется, демонстрируя мне мерцание завораживающих вертикальных зрачков, пульсирующих при неярком свете висящей под потолком лампы.

– Шевелись, – лорд-ректор отшатывается от меня как от прокажённой. Красивое аристократическое лицо искажено брезгливой гримасой, будто он несколько секунд назад не жену сжимал в тисках крепких рук, а прищёпнул голой ладонью комара.

– Как скажете, – хриплю, не в состоянии досыта надыхаться и, подхватив сумку, торопливо выскакиваю прочь.

Добавляю вполголоса:

– Счастливо оставаться.

Один коридор заканчивается, и начинается другой. Остановившись у двери из больничного крыла, чтобы поудобнее перехватить сумку и повернуть круглую ручку, как до меня доносится грозный рык лорда Эллеринга и сбивчивый писк кузины.

Не знаю и не хочу знать, что происходит между ними, од-

нако она уже не смеётся, а судя по плаксивым интонациям, пытается в чём-то оправдаться.

– Их проблемы, – ворчу, протискиваясь боком. Стараюсь и сумку удержать, и не наступить на длинный подол. Надо будет узнать, носят ли женщины здесь брюки?

В длинных юбках огород не разобьёшь. А судя по рассказам Эйвара и Лиззи – это единственный способ выжить в Змеиной Пасти.

Меня спасёт не денежное содержание от гадкого дракона, а натуральное хозяйство.

Второй коридор выводит в тот самый холл, который я видела в воспоминаниях Виктории. В нём нет ни души: скорее всего, занятия на сегодня окончены, и студенты разбрелись по территории.

Выхожу через огромные двери, высотой в двухэтажный дом, которые приветливо распахиваются, стоит только к ним приблизиться. С громким стуком ударяются о стены, а когда я выхожу на крыльцо, они медленно, со скрипом закрываются.

Воздух чист и свеж. Чувствую яркие нотки влаги – предвестницы скорого дождя. Небо тёмно-серое от набежавших туч, а где-то вдалеке виден ослепительный блеск молнии.

“Не лучшая погода, чтобы отправиться в дальнюю дорогу,” – тревожно скребётся внутренний голос. Дурное предчувствие укрепляется, пуская корни в сердце и разрастаясь под кожей, но жажда свободы оказывается сильнее страха пе-

ред непогодой.

Высмотрев ворота, торопливо шагаю, краем глаза отмечая изумрудные газоны, кованные лавочки и небольшие питьевые фонтанчики для студентов. В окнах нескольких зданий, стоящих неподалёку, зажигается свет. Ветер усиливается, раздувая юбку, но я успеваю выбежать за ворота и с первыми каплями распахиваю дверь большого чёрного экипажа.

Узкая перегородка на противоположной стене открыта и позволяет увидеть седой затылок кучера. Вежливо здороваюсь и спрашиваю, сколько нам потребуется времени, чтобы добраться до Змеиной Пасти.

– Дня два, а то и три, – тяжело вздыхает мужичок, и хоть я не вижу его лица, голос красноречиво твердит о желании остаться в городе.

– Чем скорее уедем, тем быстрее приедем, – выдаю прописную истину, а сама думаю о том, что если непогода усилится, мне придётся заночевать с незнакомым мужчиной в салоне кареты.

И что, что он мне в отцы годится? Здесь я слабая женщина, которая несколько часов назад упала с лестницы.

“Столкнули,” – отзывается внутреннее “я” под тихий скрип колёс.

Экипаж набирает скорость, а я задвигаю перегородку и забираюсь с ногами на сиденье, предварительно сняв башмаки.

Вот только знала бы я, чем обернётся наш скорый выезд,

предпочла бы остаться в компании лорда Эллеринга, а то и Лиззи.

Глава 9

За окном проплывают серые улицы, окутанные густым туманом. Тяжёлые свинцовые облака нависают над городом так, будто вот-вот обрушатся на острые шпили башен и крыши домов. Редкие капли дождя стекают по стеклу, размывая очертания зданий и прохожих.

Судя по зелёным кронам деревьев, за окном поздняя весна – экзаменационная пора у студентов. Вдруг это как-то связано с хмурым настроением лорда-ректора?

Не может быть такого, что он злой только из-за меня?

Закрываю глаза, пытаюсь вызвать воспоминания Виктории и заново пережить те недолгие мгновения, что я успела прожить в её теле. В один момент мне кажется, что я ухватываюсь за ниточку тех нежных, светлых и воздушных эмоций, что она испытывала к лорду Эллерингу.

Но едва успеваю погрузиться и нащупать какую-то мысль, не дающую мне покоя, как колесо попадает в выбоину, и я подпрыгиваю на сиденье, теряя хрупкую ментальную связь.

– Подумаю об этом завтра, – говорю себе цитатой из известной книги. Сейчас есть проблемы поважнее, чем отношения прежней хозяйки тела с тираном-изменщиком.

Поворачиваюсь к окну и вглядываюсь в лица прохожих, спешащих по своим делам. Их разномастные фигуры, закутанные в плащи и скрытые под разноцветными шапками зон-

тов, кажутся призраками в этой туманной дымке.

Всюду пестрят деревянные вывески, мерцающие приглушённым сиянием, а за окнами царит своя, особенная жизнь.

Карета гроыхает по мощёной булыжником мостовой. Я ощущаю каждый толчок, и меня немного укачивает. Воздух, проникающий сквозь щели, пахнет сыростью, дымом и чем-то незнакомым, словно пузырьки лимонада стали осязаемы и задорно дразнят обоняние.

Постепенно дома становятся ниже, улицы – шире. Я чувствую, как карета снова набирает скорость, и мы приближаемся к окраине города.

Моё сердце бьётся всё быстрее в предвкушении того, что ждёт впереди.

В голове яркой лампочкой вспыхивает гениальная мысль. Перебираюсь на соседнее сиденье, деликатно стучу и отодвигаю перегородку.

– Извините, пожалуйста, – робко зову кучера, в надежде на то, что ему скучно, и он будет не прочь со мной поболтать.

– Что вам угодно, леди Эллеринг? – голос звучит подчёркнуто вежливо, словно он робот, выполняющий приказы.

Надеюсь, я смогу его разговорить.

– Вы же знаете, куда мы едем? – начинаю издалека и сходу попадаю в яблочко.

Слышу шумный вздох, и мужчина с опаской косится на меня, повернувшись вполоборота.

– Конечно, леди Эллеринг. Мне приказано доставить вас

в Змеиную Пасть.

– А куда конкретно? – интересуюсь, впиваясь пальцами в мягкую тёмно-синюю обивку. – Не высадите же вы меня посреди этой пасти?

Ответом является долгое, напряжённое молчание, и мне оно категорически не нравится.

– Или высадите? – понижаю громкость, судорожно продуывая запасной план на случай утвердительного ответа.

Если этот мерзавец приказал доставить опостылевшую жену к столбу с названием деревни... Или села, городка, края... Неважно, тогда я вернусь этим же рейсом в академию и так отполирую драконью чешую, что останутся проплешины!

Наверное, лорду Эллерингу благоволят местные божества. Кучер мотает головой и с жаром заверяет, что в Змеиной Пасти осталась старинная усадьба какой-то дальней родственницы Эйвара.

– Я бывал там не раз, в детстве, – мужчина погружается в воспоминания, и в голосе слышны тёплые, мечтательные нотки. – Когда-то это было прекрасное место. Мой отец родился в Змеиной Пасти, там и устроился кучером, когда у пожилой леди гостили родственники из Алдервилля. Природа чудесная, климат мягкий, речка поблизости, а в сосновом лесу полно зверья и птиц. Грибы, ягоды... М-м-м!

“Алдервилль – это тот город, где находится академия?” – спросила саму себя, решив позже раздобыть книги по мест-

ной географии.

– Леди обожала деток. Позволяла нам пробираться в её сад по вечерам и рвать яблоки. Она бы и так пустила, но нам, мальчишкам, был важен элемент приключений! Эх, какие там были яблоки, леди Эллеринг! Сладкие, хрустящие, ярко-красные! А груши! А вишни! Ох, простите, заболтался. Жаль, что усадьбу пришлось покинуть в жуткой спешке.

– Но почему? – спросила я, одновременно и желая, и боясь узнать ответ на мой вопрос. Пока что звучит как название курорта, но я сомневаюсь, что лорд Эллеринг решил сплавить с глаз долой обманутую жену в местную райскую долину.

– Простите, миледи, боюсь, ваши нежные ушки... – вяло взбрыкнул кучер, а в следующий момент стремительно повернулся ко мне затылком и, что есть мочи взмахнул вожжами. – Шевелитесь, клячи! Живее-живее! Леди Эллеринг, быстро под сиденье и не высовывайтесь!

– Да что... – я растерянно взглянула в окно и не смогла сдержать испуганного крика.

Мамочки! Это что ещё за хрень?

Глава 10

Лорд Эйвар Эллеринг

Смотрю ей вслед, чувствуя небывалое раздражение. Надо бы отвернуться и найти этого проклятого Бэлтона, но что-то держит меня на месте.

Идиотка совсем обнаглела!

А притворялась робкой, невинной овечкой.

Решила показать коготки, раз я вскрыл её гнилую натуру, выпустив наружу весь яд, скопившийся внутри?

Как скажете.

Её последние слова отравленными стрелами впиваются в мой разум. Вроде бы покорилась, но почему я чувствую, что последнее слово осталось за Викторией?

– Милорд, как вы?

Слышу лёгкий, мелодичный голосок Лиззи и ощущаю неприкрытую брезгливость. Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, прежде, чем повернуться.

А она молчит и терпеливо ждёт. Демонстрируя насквозь фальшивую готовность сделать всё, что ей прикажут.

Оборачиваюсь и прохожусь по ней тяжёлым взглядом. Фигурка хороша, не спору. Ножки стройные, длинные, талия осиная. Могу обхватить её большими и указательными пальцами. Задница едва прикрыта юбкой, из-за которой старая зануда сорвала нахапку с пары и отправила ко мне на

разборки.

Знала бы она, что вместо показательной порки и выговора в личном деле, эта самая задница старательно полировала мой рабочий стол.

– Милорд, я сделаю всё, что пожелаете. Если вам будет легче принять предательство моей... то есть вашей... – она демонстративно всхлипывает и преданно заглядывает в мои глаза, как маленькая собачонка. Готовая плясать на задних лапках и валяться в ногах, лишь бы получить заветную сахарную косточку.

Оглядывается по сторонам и, убедившись, что поблизости никого, прижимается ко мне, будто невзначай потираясь грудью, прикрытой лишь блузкой, без нижней сорочки. Проводит кончиками ногтей по ремню, норовя залезть в брюки, но вместо разгорающегося желания, по ушам бьёт голос волчицы в овечьей шкуре:

Милорд, я спешу!

Спешит она, мать её!

Торопится скрыться, выставив меня несостоявшимся убийцей перед Его Величеством и кабинетом министров!

Злость накрывает меня с головой, и я отталкиваю льющую ко мне соплуху, что провоцирует меня с тех пор, как справила совершеннолетие.

– Мило-о-рд, – скулит она, встретившись спиной со стеной. Хнычет и оглаживает затылок, глядя на меня с обидой во влажных глазах. Делает вид, будто ударилась головой.

Я не наивный кретин, что поверит в эту ужасную актёрскую игру.

Вся их семейка – сплошь обман и гниль.

Молча разворачиваюсь и с каменным лицом следую по опустевшим коридорам. Несколько преподавателей, что встречаются мне на пути, ускоряют шаг и опускают головы, опасаясь встретиться со мной взглядом.

Кучка лицемеров.

Боятся, что я и их сброшу со ступенек?

Закрываюсь, накинув сверху охранный контур. Подхожу к большому окну, отбрасываю в сторону портьеру и вижу набирающий скорость экипаж, что увозит мою жену туда, откуда она никогда не вернётся.

Сколько пройдёт времени, прежде чем я стану вдовцом?

Неделя? Месяц? Год?

Нет, я слишком хорошего мнения о Виктории. Три дня на дорогу, один-два там, чтобы прочувствовала последствия на своей лживой шкуре, и вернулась, вымаливая прощение.

Внутри бушует огненная буря, но внешне я остаюсь неподвижным, как каменное изваяние.

Пальцы сжимают подоконник так сильно, что костяшки белеют, а железная древесина жалобно трещит.

Заслужила.

Виктория обвинила меня в том, чего я не совершал. Пле-ла за моей спиной паутину обмана, притворяясь милой бле-ющей овечкой, что рыдает от счастья, когда хозяин уделяет

ей толику внимания.

Она предала, и за это должна быть наказана. И если дума-
ла, что сойдет с рук – она жестоко ошибалась

Я – глава семьи, и моё слово – закон.

Женщинам запрещено нарушать установленные правила
и совать нос, куда не следует.

Их место в супружеской постели и в детской комнате. Су-
пруга дракона обязана думать лишь о потомстве и ублажать
мужа по первому требованию.

Остальное только по разрешению.

Птичке запрещено покидать золотую клетку.

Никак не иначе.

Проявишь доброту один раз, и они сядут к тебе на шею.

Экипаж скрывается за поворотом, и я всматриваюсь в
небо, наглухо затянутое чёрными тучами. Вот-вот пойдёт
дождь, и дороги за городом размочит в кашу.

Только маг сможет выбраться из этой западни, а я блоки-
ровал Виктории её дар, чтобы как следует проучить.

Не сахарная. Может, успеют добраться до гостиницы. По-
спит на вонючем матрасе с клопами и поймёт, чего лиши-
лась. А если не успеет – пускай ночует в карете.

Мне её не жаль.

Отворачиваюсь от окна и решительным шагом направля-
юсь к столу. Работа поможет мне отвлечься. Погружаюсь в
бумаги, но образ Виктории не отпускает меня.

Потому что вы меня не пускаете.

Обнаглевшая самка, которая вдобавок не способна зачать от дракона.

Бракованная истинная.

Пускай сидит в поместье с прогнившей крышей, в компании крыс и размышляет над своим поведением.

А там... Либо ей повезёт, и она вернётся, умоляя о пощаде, либо буду ждать официальное письмо с известием о том, что лорд Эйвар Эллеринг теперь вдовец.

Второй вариант кажется более привлекательным.

Мерный шум ливня разрывает оглушительный раскат грома.

Зверь внутри начинает беспокоиться. Скребёт когтями по сердцу, раздирая его в клочья и вынуждая меня подойти к окну.

Чёрное небо прорезают ослепительные вспышки молний. Крупные капли дождя барабанят по стеклу, превращаясь в сплошную водяную стену.

Грудь сдавливают обручем, не давая вдохнуть, а изо рта вылетают слова, которые не должен произносить аристократ.

В небе кружат до боли знакомые силуэты с острыми как бритва когтями. Совершив круг почёта, стая летит в сторону загородной дороги, и я понимаю, что останусь без жены гораздо раньше, чем планировал.

Глава 11

Виктория Эллеринг

Сквозь разрывы в грозовых тучах я вижу странных птиц, летящих на достаточной высоте, чтобы рассмотреть их во время вспышек молний. Перепончатые крылья рассекают воздух, а острые, загнутые когти внушают ледяной ужас.

– Что это за твари? – тут же переползаю поближе к небольшому окошку и наблюдаю, как кучер изо всех сил гонит лошадей в сторону едва виднеющейся на горизонте лесополосы.

– Леди, вы что? Шквальные летуны, кто же ещё?

Действительно, кто же ещё?

Всего-навсего летуны, от вида которых мурашки бегут по позвоночнику и волосы встают дыбом.

Пронзительные крики, похожие на скрежет пенопласта по стеклу, разносятся над нами, вызывая в глубине души какой-то неведомый мне прежде первобытный ужас.

Понимаю, что боюсь их так же, как многие люди неосознанно боятся змей, пауков и других гадов, страх перед которыми, как говорят телепрограммы, отпечатался в генах человека. Визги эхом разносятся по всей округе, заглушая даже раскаты грома.

– Мамочки, они приближаются! – кричу я, высовываясь из окна кареты.

Холодные капли дождя бьют мне в лицо, но я не могу оторвать взгляд от этих ужасных созданий, что летят за нами слаженной стаей, изредка пикируя в нашу сторону, а затем снова возвращаясь в строй.

Кучер, услышав мой крик, оборачивается. Лицо мужчины бледное, как мел, испещрённое тёмными линиями морщин. Глаза расширены, а губы, наоборот, сжаты в тонкую ниточку.

– Держитесь крепче, барышня! – он старается перекрыть шум ветра и адовые вопли летунов. – Если Создатель милостив к нам, то мы успеем добраться до леса! Они нападают только на открытых пространствах.

– Искренне надеюсь на ваше мастерство, – бормочу, выдавая зубами барабанную дробь.

Карета несётся по размытой дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Меня бросает из стороны в сторону, но я не смею жаловаться даже в мыслях. Каждая клеточка кожи чувствует страх, что сковывает моё тело, но я не могу перестать смотреть на приближающихся тварей.

Тут уж не угадаешь, что лучше: тиранище чешуйчатое, шпыняющий и унижающий меня каждую секунду, или монстры, чьи клювы и когти созданы, чтобы разрывать мягкие ткани?

И я говорю не про одежду.

Карета несётся с опасной скоростью. Колёса жалобно скрипят, а корпус трещит так, что вот-вот развалится на части. Вижу в окно, как что-то отламывается при очередном

попадании в ямку, и остаётся лежать на дороге тёмной бесформенной кучей.

Перевозу взгляд выше и уже могу разглядеть горящие глаза шквальных летунов и их распахнутые клювы. Одно из чудищ пикирует, едва не задевая крышу кареты своими когтями, и я вскрикиваю от ужаса, изо всех сил вжимаясь в сиденье.

Тут уже Змеиная Пасть покажется отличным, надёжным убежищем. И пресловутый лес с волками.

– Быстрее, умоляю, быстрее! – кричу я кучеру, хотя понимаю, что он и так гонит лошадей изо всех сил. Колёса кареты со скрипом вращаются, разбрызгивая грязь. Несчастные животные храпят и рвутся вперёд, чувствуя опасность не хуже нас.

Лес всё ближе. Тёмный силуэт маячит впереди как спасительное убежище. Но и летуны не отстают. Я слышу хлопанье их крыльев совсем рядом, чувствую порывы ветра от их полёта. Сердце едва не выпрыгивает из груди.

Ещё немного, совсем чуть-чуть!

Как вдруг один из летунов, самый крупный и свирепый, пикирует вниз и вонзает свои когти в загривок впереди бегущей лошади.

Кучер что-то кричит, и с его пальцев срываются несколько искр.

Магия?

Я округляю глаза, когда слышу пронзительное ржание

несчастливого животного. Лошадь, окутывает слабое сияние, и она продолжает держать строй. Словно что-то удерживает её в упряжи насильно, подавляет волю.

Ещё один летун проносится перед лицом мужчины. Обзор через окошко ограничен, но я вижу, как он пытается удержать поводья. Острые когти полосуют левую руку, и сияние вокруг раненой лошади лопаётся как мыльный пузырь.

Животное встаёт на дыбы, увлекая за собой вторую. Тело трясёт, а пальцы от напряжения разрывают бархатную обивку.

– Леди Эллеринг, держитесь! – хрипит мужчина сквозь стиснутые зубы, но я понимаю, что он уже не контролирует ситуацию.

Карета резко дёргается, и меня бросает вперёд. Ударяюсь головой о деревянную панель, и в глазах взрываются кроваво-красные фейерверки, а по виску стекает что-то тёплое. Взгляд замылен, всё плывёт, но я вижу, как лошади, обезумев от боли и страха, несутся со всех ног, не разбирая дороги.

– Это конец, – проносится в моей голове. – Вот Эйвар обрадуется: не успел сплавить жену, а уже почти вдовец.

Я зажмуриваюсь, готовясь к неизбежному, как вдруг слышу оглушительный рёв, перекрывающий даже вой ветра и крики летунов.

Глава 12

Похоже на то, что все местные монстры решили полакомиться несчастной попаданкой в тело молодой леди.

Сквозь тупую боль открываю глаза и вижу, как огромная тень накрывает карету. Сердце замирает, когда вспышки молний освещают мощное чешуйчатое тело, оскаленную морду и крылья, способные затмить небо!

Чувствую, как от страха стынет кровь, и ляпаю первое, что приходит в голову:

– Умоляю, хоть ты не ешь меня! Дай мне спокойно уехать!

Дракон издаёт ещё один рёв, и я с удивлением наблюдаю за тем, как летуны в панике разлетаются в стороны. Некоторые пытаются атаковать его, но тот с небывалой лёгкостью отбрасывает их ударом лапы с толстыми когтями, способными пробить что угодно на свете!

Лошади, почувствовав, что опасность миновала, начинают замедляться. Кучер, преодолевая боль, всё ещё пытается взять их под контроль. Огромный ящер делает ещё один круг над нами, а затем снижает высоту и бреет почти над землёй.

Что-то внутри меня тянется к хищнику. Он больше не вызывает у меня страх, наоборот!

Не осознавая, что творю, я высовываю руку в окно и тянусь чешуйчатой морде.

– Спасибо... вам, – искренне благодарю, где-то на подсо-

знании понимая, что раз это дракон, скорее всего, он ещё и человек.

Наверное, он честный, доблестный и хороший. Такой, кто никогда не выгонит жену из дома, променяв её на смазливую мордашку. Чувствую, как в груди сжимается маленький комочек, и осознаю, что завидую той, кто станет избранницей этого героя.

Дракон чуть замедляется и подаёт морду вправо, позволяя мне коснуться чёрной чешуи, поблескивающей от дождевой воды. Урчит как огромный кот, а в отражении большого жёлтого глаза с чёрным вертикальным зрачком, отражается молодая перепуганная девушка.

– Вы спасли меня, – улыбаюсь, с явной неохотой убирая руку. – Я направляюсь в Змеиную Пасть. Если когда-нибудь будете в наших краях – найдите меня, я вас обязательно отблагодарю.

Зверь тут же взмывает ввысь и с громким, протяжным рыком исчезает в грозовых облаках.

– Офигеть, – выдыхаю, обессиленно заваливаясь на сиденье.

– Леди Эллеринг, вы как? – с усилием спрашивает через открытую перегородку кучер.

Слегка приподнимаюсь, чтобы ответить, но головная боль накатывает с новой силой, и тошнота подступает к горлу.

Неужто я заработала сотрясение мозга?

Открываю рот, но не могу издать ни звука. Глаза застила-

ет чёрная пелена, похожая на тяжёлое, жаркое одеяло, и я проваливаюсь в бесконечную темноту.

Не знаю, сколько я провела без чувств. Первое, что я ощущаю – это мягкое покачивание. Затем ко мне возвращается слух: приятный мужской голос напевает песенку за тонкой стенкой какого-то мрачного ящика.

Где я?

Что произошло?

Мысли путаются, воспоминания ускользают, как песок сквозь пальцы.

Я же спешила на собеседование. Бежала по лестнице и...

Вот блин!

Воспоминания давят на меня бетонной плитой. Пытаюсь открыть глаза, но веки такие тяжёлые. С трудом приподнимаю их и вижу солнечный свет, льющийся сквозь окно кареты.

Тело ноет, каждая мышца болит, словно я пробежала много миль без остановки. Хочу пошевелиться, но движения даются с большим трудом.

Летающие ящеры!

Дракон!

Кучера ранили!

Я в панике сползаю с сидения и добираюсь до перегородки.

– Господин... Уважаемый, вы как?

Пение тут же прекращается, и мужчина поворачивается ко мне с умиротворённым лицом, будто не его потрепали летуны:

– Леди, вы очнулись! Я уж думал, меня обманули, и придётся разворачиваться, чтобы показать вас лекарям! Двое суток не просыпались!

Подождите, какие двое суток?

Пытаюсь собраться с мыслями, восстановить цепочку событий. Помню, как мы выехали из города, началась гроза и появились ящеры.

Потрепали кучера, лошадь, но к моему счастью их прогнал большой и красивый дракон.

А потом – пустота.

Я, должно быть, потеряла сознание из-за того, что сильно ударилась головой.

Но как долго я была без чувств?

И где мы сейчас?

– Так почти на месте, – охотно отвечает кучер. – Меньше мили осталось.

Сжавшись надо мной, он пояснил, что первую ночь мы провели в лесу. Нам несказанно повезло: там же пережидали непогоду несколько боевых магов, которые успокоили лошадь и подлатали раненых. Они погрузили меня в целебный сон, и карета отправилась дальше.

На вторые сутки остановились в придорожной гостинице, и меня перенесли в отдельную комнату.

– Ей богу, леди, клянусь Создателем, – с жаром заверяет мужчина, – хозяйка подсобила с работницами, я к вам и пальцем не притрагивался!

– Благодарю.

Медленно, преодолевая боль во всём теле, я подбираюсь к окну. Пейзаж совершенно незнакомый: зелёные холмы, поросшие густой травой, вдалеке виднеется небольшая деревушка.

Солнце стоит высоко в небе, ни намёка на ту страшную бурю, которая бушевала во время нападения.

Вдыхаю свежий воздух, наполненный ароматами луговых трав и цветов, щурюсь от яркого света и всматриваюсь в россыпь домиков, что становятся ближе с каждой минутой.

– Это и есть Змеиная Пасть? – интересуюсь не удержавшись.

– Она и есть, – слышу в его голосе скрытую печаль.

Соскучился по родным местам? Он по крайней мере единственный, кто отнёсся ко мне с теплом.

Да и местность выглядит достаточно интересной. С одной стороны холмы, с другой – высоченные горы, закрывающие собой горизонт.

Мысленно рисую в голове, как разобью небольшой огород, а под окном будет цветочная клумба с розами. Потом можно и хозяйством обзавестись: раздобыть несколько кур, петуха, козочку.

Ещё надо собаку, чтобы сторожила дом. И поговорить с

местными, вдруг кто сможет помочь?

Увлечённая мыслями и планами на будущее, я не сразу замечаю, как мы въезжаем на главную улицу, которая, похоже, тут единственная.

И, глядя на дома, чувствую, как надежда тает, а все мечты о спокойной жизни разбиваются о страшную действительность.

Глава 13

Признаюсь честно.

Первое, что бросается в глаза – это удивительная красота здешних мест. Деревянные дома завораживают взгляд!

Резные наличники, затейливые узоры на фасадах, крыши, покрытые замшелой черепицей – всё это выглядит как иллюстрация к старинной сказке.

Но чем дольше я смотрю по сторонам, тем сильнее меня охватывает чувство неправильности происходящего.

Эти прекрасные дома пусты, да и на улицах не видно ни души.

Краска на стенах местами облупилась, а в некоторых окнах зияют чёрные провалы разбитых стёкол.

Сердце сжимается от непонятной тоски. Почему это место, созданное с такой любовью и мастерством, кажется заброшенным?

– Что случилось с людьми, жившими здесь? – интересуюсь у кучера, а голос невольно дрожит.

– Уехали в поисках лучшей жизни, – выдержав паузу, отвечает мужчина.

И бросили такие крепкие, добротные дома?

Немыслимо!

Карета проезжает мимо пустыря, бывшего когда-то деревенской площадью. Наверное, здесь проходили ярмарки, ве-

селится народ, бегали и смеялись ребятишки.

Чуть поодаль замечаю небольшое одноэтажное здание с закрытыми ставнями. Почти все окна, кроме двух забиты крест-накрест досками.

– Школа, – не дожидаясь моего вопроса, отвечает кучер.

Чувство тревоги нарастает с каждой секундой. Я не могу избавиться от ощущения, что за нами наблюдают сотни невидимых глаз.

Кажется, будто сами дома смотрят на меня своими пустыми глазницами-окнами. Тянет перекреститься, но я держусь и стараюсь думать только о хорошем.

Не может быть деревня полностью заброшенной.

Едем дальше, и сердце учащает ритм – вижу явно жилые дома, скрытые за высокими заборами. Штук десять, не меньше! В уши врзается залиvistый собачий лай и грозный женский окрик:

– Лорд, а ну пасть закрой! Разбрехался тут, блоховоз!

Собака виновато повизгивает, а меня распирает нервный смех.

Отличная кличка для сторожевого пса. Эйвар бы непременно оценил.

– Леди Эллеринг, мы прибыли! – возничий останавливается возле большого двухэтажного дома с очаровательным мезонином, стоящего поодаль от соседей.

“Давай, Вика, не бойся. Это начало твоей новой жизни,” – подбадриваю себя и, подхватив сумку, толкаю дверцу ка-

реты.

Кучер не спешит помочь. Придерживаю подол, закрываю глаза и прыгаю с подножки на пыльную дорогу. От твёрдой, утоптанной до состояния камня земли, чувствительно отдаёт в пятки, и я невольно морщусь.

Взгляд скользит по покосившемуся серому забору. Часть досок завалена набок, часть держится на честном слове. Большой участок зарос травой, а вместо калитки – открытый проход.

– Всего вам наилучшего, леди Эллеринг! Обживайтесь! – выпаливает кучер и, прежде чем я успеваю среагировать, подстёгивает вожжами лошадей.

– Эй, подождите! – возмущённо кричу ему вслед и тут же захожусь в кашле, глотая взметнувшуюся ввысь дорожную пыль. – Ну и ладно! Сама справлюсь!

“Выбора-то у меня нет”, – мысленно добавляю про себя.

Яркое солнце начинает припекать спину и голову. Знойное дневное марево дрожит, слегка искажая расстилающийся передо мной пейзаж. Воздух напитан ароматами свежего сена, луговых цветов с едва уловимой примесью коровника.

Где-то неподалёку голосит петух.

Краем глаза замечаю быстрое движение за соседским забором. Напрягаю слух, но не могу разобрать чей-то сбивчивый шёпот.

Кажется, уже через полчаса о прибытии новой гостьи будут знать все немногочисленные жители Змеиной Пасти.

– Ладно, Вика. Ты можешь и дальше обливаться потом на солнышке, а можешь сделать первый шаг в будущее. Надо обойти новые владения и составить план действий.

Сжимаю ручки дорожной сумки и осторожно шагаю через проём в старом заборе, где когда-то была калитка. Высокая трава мягко касается моих ног, приминаясь под каждым шагом. Звонкий стрекот кузнечиков окружает меня со всех сторон.

Медленно продвигаюсь вперёд по тропинке, заросшей осокой. Каждый мой шаг сопровождается странным шорохом – то ли мелкие зверюшки разбегаются в стороны, то ли ветер играет сухими стеблями.

Мой новый дом.

Какая ирония.

Всегда мечтала иметь собственную дачу. Выбираться из города на выходных и проводить время на свежем воздухе. Разбить несколько цветочных грядок, посадить клубнику, огурцы, помидоры, а по вечерам жарить мясо на решётке.

А реальность демонстрирует разбитое крыльцо с покосившимся столбом. Подхожу ближе и осторожно ставлю ногу на первую ступеньку.

Вроде бы держит.

Уже хорошо.

Медленно поднимаюсь выше, чутко прислушиваясь к звукам разошедшегося дерева под подошвой. Каждый шаг – нешуточный риск провалиться и поранить ногу.

А ведь у меня пока нет аптечки, да и неизвестно, есть ли здесь доктор?

Добравшись до верха крыльца, я на мгновение замираю и ещё раз осматриваюсь, намечая бесконечный фронт работ.

Отсюда открывается вид на весь заросший сад, на бескрайние поля за ним. Лёгкий ветерок ерошит мои волосы, и я глубоко вдыхаю, чувствуя, как волнение уступает место странному спокойствию.

Страх больше нет.

Пускай и усадьба и принадлежит роду Эллеринг, а я – настоящая Виктория, Эйвару никто. Но меня не покидает удивительное ощущение, что это – действительно моё.

Будто оно ждало меня целую вечность.

И, наконец, дождалось.

На крепкой некогда белой двери, покрытой хлопьями краски, висит большой амбарный замок.

Осматриваю крыльцо, стены, задираю голову и изучаю потолок: ключей нет. Зато повсюду раскинулась паутина, собравшая на себя не только мух, но и маленькие листья.

– Замечательно, – вздыхаю, отгоняя в сторону мысли о том, что придётся ночевать под открытым небом.

Рука не повернётся разбивать стёкла.

Кончиками пальцев прохожусь по шероховатой поверхности замка. Ржавчина оставляет рыжие следы на коже, а вот железо вспыхивает россыпью серебристых огоньков, и дужка как по маслу выскальзывает из корпуса.

От удивления глаза расширяются, а челюсть стремится вниз. Только что я вызвала магию?

Сама?

Без чьей-то помощи!

Дверь со скрипом открывается, словно приглашая внутрь. Сердце колотится о рёбра, грозясь выскочить наружу. Во рту сухо, мысли разлетаются во всех стороны.

Перешагиваю порог и от увиденной картины у меня подкашиваются ноги, а из горла вылетает жалкий, сиплый хрип.

Глава 14

Пыль и затхлость быют в нос, наполняя рот едкой горечью.

Глаза не сразу привыкают к полумраку, царящему в просторной гостиной. Но всё моё внимание приковано к огромной тёмной фигуре, что возвышается прямо напротив входа!

Ужас приковывает ноги к скрипящему полу. По позвоночнику струится ледяной пот, а язык прилипает к нёбу.

Существо около двух метров ростом, с неестественно длинными конечностями и круглой головой. Смотрит на меня огромными, пустыми глазницами!

Волосы на затылке встают дыбом. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди!

А я не в состоянии не то, что убежать, но и позвать на помощь.

Длинные руки с кривыми пальцами будто тянутся ко мне, готовые схватить в любой момент. Кое-как пачусь назад, не в силах оторвать взгляд от этого кошмарного создания.

И вдруг неяркий луч света из запylённого окна падает на зловещую фигуру!

Фух, это всего лишь огородное пугало.

Старая, потрёпанная одежда, набитая соломой, покосившаяся шляпа и глиняный горшок с двумя дырами вместо глазниц – вот что так напугало меня в полумраке.

Колени подкашиваются, и я медленно оседаю на пол, чув-

ствуя, как адреналин отступает, а на смену ему приходит нервный смех.

Зуб даю, Эйвар знал про этот “сюрприз”. Наверняка сейчас злорадствует в жарких объятиях хитроумной Лиззи, и ждёт, что я тут буду реветь от страха.

Не на ту попал! Я этих пугал в детстве у бабушки сама разрисовывала и наряжала. Да с моим полётом фантазии, у нас птицы отродясь не клевали ягоды! Облетали наш участок за три версты!

Но что оно делает в гостиной?

Почему не в саду, огороде или, на худой конец, в сарае?

Набираюсь смелости и обхожу его со всех сторон, вздрагивая от каждого скрипа половиц. Стоит неподвижно, и лишь лёгкий ветерок, залетающий в дом, слегка колышет выцветшую дырявую рубаху.

– Давай, не дрейфь, Вика, – уговариваю сама себя на жутко храбрый поступок, считаю до трёх и протягиваю руку, чтобы коснуться молчаливого охранника.

Ух, пронесло!

– Не ожил, – нервно хохотнула я, ощутив под поверхностью ладони запылённую груботканую одежду. – Ладно, стой тут. Хотя нет, мешаешь.

Собралась с силами, кое-как приподняла пугало с места и перетащила ко входу, оставив сбоку у двери.

– Побудь пока тут, – обратилась к нему, чувствуя себя поистине ненормальной.

И часа не прошло с тех пор, как я приехала в Змеиную Пасть, а уже веду беседы с огородными пугалом.

А всё этот гадкий дракон, чтоб ему весь день икалось!

Зато теперь я могла спокойно осмотреть гостиную. Вот только зрелище было весьма печальное.

Высокие потолки сплошь покрыты паутиной. Остатки некогда роскошных шелковых обоев свисают со стен неопрятными лохмотьями, обнажая потемневшую от времени штукатурку.

В центре комнаты возвышается массивная люстра из хрусталя, покрытая толстым слоем пыли. Несколько изящных подвесок валяются на полу среди осколков разбитого зеркала, которое когда-то украшало камин.

Только он теперь зияет чёрной пастью, полной золы и обугленных остатков последних дров. На полке всё ещё стоят потускневшие от времени бронзовые часы, навечно остановившиеся на без пяти двенадцать.

Вдоль стен выстроена мебель, накрытая некогда белыми чехлами. Надеюсь, хоть что-то уцелело и не прогнило за время отсутствия хозяев. Всё же сидеть на скрипучих досках удовольствие не из приятных.

– Брось, Вика, – уговариваю себя, пытаюсь найти в этом печальном зрелище хоть что-то позитивное. – Зато крыша цела... вроде бы. И дыр нет в полу.

Со стороны распахнутой входной двери мне чудится мимолётное движение, но я решаю сосредоточить всё внимание

на осмотре дома, и вскоре уже могу сформулировать для себя первые впечатления.

Первый этаж состоит из большой гостиной, не менее просторной кухни, встретившей меня грудой разбитой фарфоровой посуды. Почти треть пространства занимает печь, очень похожая на русскую, что до сих пор можно встретить в глубинках.

На самом верху замечаю несколько чугунных ёмкостей, которые могу использовать под кастрюли, но сначала их надо хорошенько отмыть и прокалить в печи.

Нетронутыми остались широкий дубовый стол и буфет. Дверцы распахнуты, обнажая взгляду целёхонькие полки. В углу примостилась деревянная бадья, которую я тут же определила для мытья посуды.

Когда таковая у меня появится.

Следующие десять минут у меня уходят на осмотр помещения под кладовую, забитое разным ненужным хламом. Нахожу дверь в полу, и едва не прыгаю от радости, обнаружив пустой ледник метра два в глубину и немногим больше в ширину.

Сложнее всего подниматься по лестнице на второй этаж. Перила опасно шатаются, норовя сломаться под моей рукой. Ступеньки угрожающе трещат, и мне приходится проверять их на прочность, прежде чем перенести свой вес и опробовать следующую.

Однако это определённо того стоит.

Передо мной небольшая комнатка, похожая на малую гостиную. Из неё по разным сторонам идут три двери. Наверное, в гостевые комнаты. При моём появлении пыль поднимается в воздух и напрочь забивает нос.

– Апчхи! – оглашаю пространство, прикрывая рот ладонью. – Да что ж... Апчхи!

Чуткий слух улавливает снизу какой-то шорох, но я спысываю всё на ветер, струящийся в распахнутую дверь.

Толкаю ближайшую ко мне створку, и готова прыгать от радости.

Вот это красотища!

Передо мной небольшая светлая комнатка – мезонин с двумя кроватями вдоль обеих стен, широким окном и узким выходом на крохотный балкончик.

Матрасы истлели, постельного белья нет, но это неважно! День в самом разгаре: успею что-нибудь придумать, но ночевать я буду здесь.

Дух захватывает, когда я ступаю по тёплым, нагретым от солнца доскам. Белые кружевные занавески почти не тронутые временем, и если их как следует отстирать – придадут неповторимый уют! Одну кровать можно перетащить в другое помещение, а вместо неё поставить письменный стол.

Сердце щемит от нежности и трепета. Глаза пощипывает от слёз, и я уже готова отправить письмо с благодарностью лорду Эллерингу за то, что сослал меня подальше от своей тиранической персоны и молоденькой любовницы.

В душе крепнет уверенность, что всё непременно будет хорошо!

Однако стоит мне подойти к окну и взглянуть во двор, как я вижу в саду целую группу деревенских, что взволнованно переговариваются между собой и указывают пальцами на крыльцо.

– Ну что, Вика, – пытаюсь улыбнуться, но в груди царапает коготками недоброе предчувствие. – Пойдём знакомиться с соседями?

Глава 15

Обратно я спускаюсь быстрее, чем поднималась. Ступеньки хоть и скрипят, но честно выдерживают мой небольшой вес.

Надо будет обязательно укрепить лестницу, иначе как выбросить весь хлам?

Искренне верю, что со временем обживусь и вдохну в усадьбу новую жизнь.

Сердце ёкает, когда я вижу пугало у двери. Ветер повернул его боком, и складывается впечатление, будто длинная конечность тянется ко мне.

Обманчивая игра воображения.

До ушей доносятся взволнованные голоса, среди которых слышен громкий шёпот:

– Совесть заела, наверное.

Торопливо разглаживаю подол, стряхивая попавшую на него пыль и чёрную гирлянду паутины. Растягиваю губы в приветливой улыбке, хотя сердце колотится от волнения и предательски мокнут ладони.

Первое впечатление, оно ведь главное. Не опростоволоситься бы при местных.

– Здравствуйте! – восклицаю, выйдя на покосившееся крыльцо, и рука сама тянется к наклонившемуся столбику, ощерившемуся острыми клыками древесины. – Меня зовут

Виктория Эллеринг, но вы можете звать меня просто Викторией. С этого дня я живу...

Осекаюсь, видя вытянутые лица деревенских. Передо мной с десяток разномастных лиц – мужские, женские, кто-то постарше, кому-то на вид едва исполнилось тридцать.

Молодёжи нет.

– Явились – не запылились, – фыркает дородная дама в сером платье, поверх которого красуется выдавший виды передник. Круглое лицо кривится в презрении, брови выгорели на солнце и их почти не видно.

– Простите? – слегка теряюсь. Делаю глубокий вдох, пытаюсь собраться с мыслями и унять дрожь в коленях.

– Неужто малец вырос и женился? – недоверчиво тянет сухой старичок, чьё лицо похоже на печёное яблоко. – Кажется, будто вчера носился босоногим сорванцом.

Малец?

Это он про Эйвара?

Знал бы он, во что превратился “босоногий сорванец”.

– Зачем вы здесь? – резко спрашивает дородная дама, делая шаг вперёд.

Не знаю, что ответить и теряю драгоценные секунды. Кажется, всё сложнее, чем я себе представляла.

– Ваша семья бросила нас на произвол судьбы!

– Мы остались без защиты, без надежды!

– Уезжайте, леди Эллеринг, и чтоб ноги вашей здесь не было!

Мои робкие попытки объясниться тонут в гуще голосов. Женщины стараются особенно рьяно: потрясают кулаками, а кто-то и скалкой, с которой слетают белые крохи муки.

Боязливо делаю шаг назад, но спина будто натывается на невидимую преграду. В горле камнем стоит плотный ком от того, что я вижу их отчаяние и боль.

Какая защита?

Почему их бросили?

Разве так можно?

Вскидываю руки и прочищаю горло. Не знаю, что натворила семья Эйвара, но я обязана убедить их, что я на их стороне. Что я такая же изгнанница и готова работать наравне со всеми.

– Прошу вас, дайте мне слово! – говорю громко, тщательно контролируя свой голос, чтобы он звучал уверенно. – Я впервые прибыла в Змеиную Пасть и намерена остаться здесь надолго. Простите, но я не знаю предысторию и лишь несколько дней назад узнала о существовании этого места. Поэтому очень надеюсь на ваше милосердие!

Толпа постепенно стихает и начинает недоверчиво перешёптываться. Дородная дама запальчиво выкрикивает:

– Толку от ваших слов? Вы долго здесь не продержитесь! Это место проклято! И род Эллеринг к этому причастен!

Обвожу взглядом их лица, видя смесь скептицизма и единственного проблеска надежды в блёклых глазах сухого старичка.

Иду ва-банк. Всё или ничего.

– Мне нужна ваша помощь, – продолжаю я. – Я хочу возродить усадьбу, но одной мне не справиться при всём желании. Дайте мне шанс доказать, что я достойна вашего доверия!

Повисает тяжёлая пауза. По спине стекает холодный пот. Собравшись в кружок, жители тихо совещаются, а потом дородная дама делает шаг вперёд.

Глава 16

Ожидание сводит с ума, а женщина, видя моё волнение, нарочно оттягивает время.

– Гнать бы вас в шею, леди. Вот честно, – устало произносит она, не испытывая пиетета перед властью имущими в моём лице.

Точнее, в лице леди Эллеринг. А я понимаю, что в ней говорят бессилие и опустошённость. Словно день за днём жители Змеиной Пасти ведут борьбу с чем-то неизведанным и неизменно терпят поражение.

От её тона внутри всё скручивается в болезненный узел, и я судорожно подыскиваю верные слова, но, как назло, ничего не идёт в голову.

– Я не сдамся, – упрямо стою на своём и смотрю ей в глаза, расправив плечи. – Где староста деревни? Разве не он должен решать такие вопросы? И вообще, как вы можете выгнать меня с земли, которая принадлежит семье моего супруга?

– Муж в отъезде, – неожиданно миролюбиво поясняет дама, но тут же напускает на себя прежнюю суровость. – Мы посмотрим, как вы справляетесь. Протянете хотя бы три дня и не сбежите, сверкая каблучками, тогда вернёмся к разговору о помощи. И да, леди Эллеринг, хорошенько закрывайте на ночь двери.

Делегация деревенских неспешно уходит, оставив меня в

недоумении смотреть им вслед.

Это что, предупреждение?

Напугать меня решили?

Ладно, солнце движется по горизонту, а я не знаю, во сколько здесь темнеет. Надо срочно привести в порядок комнату, где я буду спать, а завтра уже намечу полномасштабный фронт работ.

Не знаю, как я в одиночку продержусь три дня. Хрупкое, изящное тело Виктории не создано для физического труда. Сомневаюсь, что она когда-нибудь держала что-то тяжелее книги.

Зато у меня есть шанс начать всё заново. Там, в земном мире, я каждое утро просыпалась с мыслью, что впереди опостылевшая работа. Не выдержав рутины, я уволилась только ради возможных перемен в жизни.

А тут внезапно целая усадьба, правда, жестокий муж маячит где-то на горизонте.

Плевать, справлюсь!

Я знаю, что путь будет долгим и трудным. Каждый день будет испытанием на прочность.

Но я готова.

Готова бороться с пылью и разрухой, готова пролить пот и, возможно, слёзы, чтобы вернуть этому месту его бывшее величие.

Киваю, глядя в пустой проём вместо калитки, и спешу обратно в дом. Во мне крепнет уверенность в успехе, когда я

пробегаю вверх по ступенькам. Уже решительно, зная, что ни одна не подломится под моею стопой.

Возвращаюсь на второй этаж и бегло осматриваю остальные помещения: хорошие, но не моё. Одна так вообще завалена хламом до потолка, будто её использовали как склад.

Тщательный осмотр обоих матрасов в моей новой комнате выявил лишь один целый. Вот только он был покрыт пылью и пахнет залежалыми тряпками. Да и начинка изрядно прохудилась.

Оконные створки поддаются с большим трудом. Рамы старые, иссохшие, и я обматываю ладони куском тряпки, чтобы не содрать кожу и не нахватать заноз.

Когда у меня получается, в комнату врывается горячий летний воздух, словно дом сделал первый вдох спустя долгие годы.

Юбка мешается, и я заправляю подол за пояс. Поднатужившись, переваливаю матрас через подоконник, а сама спешу на кухню в поисках аналогов стирального порошка.

Надо будет выгрести золу из печи и сделать щёлок, однако он настаивается пару дней.

Но спать-то надо сегодня.

– Чем же здесь стирали бельё? – задумчиво произношу вслух, рассматривая целую батарею шкафчиков. – Что бы использовать?

И меньше всего ожидаю услышать за спиной тихое, шелестящее:

– Третий шкаф слева.

Глава 17

– Спасибо! – радостно отзываюсь и торопливо распахиваю нужную дверцу.

И правда, вот оно, мыло! Передо мной лежит потрескавшийся коричневый брусок с грязно-жёлтыми прожилками, размером похожий на кирпич.

Облегчённо вздыхаю и... замираю.

Стоп.

А кто это сказал?

Голос совершенно не походит на человеческий, вдобавок я не слышала шагов.

Остаётся только...

Судорожно сглотнув, я кошусь вбок, намертво вцепляясь пальцами в деревянную столешницу с облупленными краями.

Вижу странное, расплывчатое пятно и пучок соломы. Медленно, с замирающим сердцем, поворачиваюсь, и мои глаза расширяются от ужаса.

В дверном проёме стоит... пугало?!

То самое, с головой-горшком, дырами вместо глаз и жуткой кривой ухмылкой.

– А-а-а-а! – из моего горла вырывается пронзительный визг, эхом разносящийся по пустому дому. Отскакиваю назад, с такой силой прижимаясь к кухонной стойке, что её

край больно впивается мне в поясницу.

Тело трясётся, как осиновый лист на ветру, мысли превращаются в дикий хаос, а сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Оно меня сожрёт!

Так вот на что рассчитывал лорд Эллеринг!

Да чтоб этому поганому драконищу икалось как минимум десять лет! А я стану привидением и буду выть по ночам в его чуткое ухо!

К моему удивлению, пугало не торопится полакомиться трепещущей добычей. Вместо этого жуткое создание глухо фыркает: звук, идущий из-под горшка, похож на шуршание сухой кукурузы, а зловещий полустёртый оскал, нарисованный угольком, меняется на ехидный:

– Ну ты и трусиха! Бу-у-у! – оно нелепо взмахивает непропорционально длинными соломенными конечностями, пытаясь меня напугать.

А я застываю в недоумении. Мозг отказывается воспринимать происходящее.

Это... это что, шутка?

На смену леденящему страху приходит изумление. Пугало сейчас выглядит настолько комичным в своих попытках быть страшным, что мой ужас начинает таять, как лёд под весенним солнцем. С губ рвётся нервный смешок, который я пытаюсь подавить, прикрыв рот рукой.

Ещё обидится и действительно меня сожрёт.

Нет не сожрёт. Рта у него нет, только нарисованная морда. Тогда задушит. Вон какие длинные, плетёные руки. Тот, кто его сделал, постарался на славу.

– А вы... Вы кто? – спрашиваю я, не решаясь “тыкать” жуткому созданию. Голос всё ещё дрожит. Сбитое дыхание выравнивается, а глаза не могут оторваться от этого невероятного зрелища.

– Домовладыка, – гордо отвечает пугало, неуклюже поправляя свою соломенную шляпу. – Дух усадьбы, которого переместили в материальное тело, как объяснял милорд. А ты – самая пугливая леди, которую я когда-либо встречал. Серьёзно, ты бы видела своё лицо! Даже пожилая миледи не стала орать, когда я ожил. Правда, побелела чутка и лишилась чувств, но зато не верещала, как сумасшедшая.

“Сам ты сумасшедший,” – едва не срывается с моего языка, но я благоразумно молчу. Не стоит портить отношения с духом дома, в котором я планирую прожить много-много лет.

– Приятно познакомиться, Домовладыка, – говорю, при этом чувствуя себя и вправду сумасшедшей. – Меня зовут Виктория Эллеринг, я супруга Эйвара.

Подумать только, я разговариваю с живым пугалом! Словно я оказалась в каком-то безумном фильме!

Да ещё и имя такое напыщенное.

Но то, что происходит дальше, окончательно сбивает меня с толку. Пугало с поразительной быстротой снимается с

креста-основы и плывёт ко мне по воздуху. В чёрных дырах вспыхивает алое пламя, а в голосе слышна явная угроза:

– Леди, говоришь?

Зажмуриваюсь, не в силах выдержать опасной близости. В нос забивается мелкая травяная пыль и пряный запах соломы. Шелест проникает в каждую клеточку тела, и я едва держусь, чтобы не упасть в спасительный обморок.

– Ты не леди Эллеринг, – слышу я и внутри всё звенит от напряжения. – Убирайся немедленно!

Глава 18

Нижняя губа предательски дрожит, а глаза против воли наполняются слезами.

Да что мне так не везёт?

Каждый, кого я встречаю на своём пути, гонит меня прочь!

Пытаюсь сказать хоть что-то, но из горла вырывается жалкий писк, а пугало делает шаг вперёд. При каждом его движении солома угрожающе шуршит, а в глубине тёмных глазниц всё сильнее разгорается огонь.

– Говори, самозванка! – завывает на весь дом, скалясь появившимися в нарисованной пасти острыми клыками. – Или я разорву тебя на части и скормлю воронам в огороде!

Воздев передо мной соломенные руки-плети, оно мелко трясёт ими, и мне на голову сыпется колючая труха.

– Хватит! – не выдержав, я топаю ногой и начинаю быстро-быстро стряхивать её с волос. – Пожалуйста! Да, я не леди Эллеринг, но я случайно оказалась в её теле! Я спешила и упала с лестницы, а настоящая Виктория тоже упала. Ну то есть, меня тоже зовут Виктория, и вот как-то так...

Шмыгнув носом, я развожу руками, чувствуя, как улетаётся весь задор.

Словно всё в этом мире создано для того, чтобы усложнять жизнь ни в чём не повинным попаданкам!

Пугало резко наклоняется, едва не сталкиваясь головой-горшком с моим вспотевшим лбом. Предчувствуя худшее, я жмурюсь и готовлюсь к чему угодно...

Но время идёт, а со мной ничего не происходит.

Осмелев, приоткрываю один глаз, и вместо угрожающего оскала вижу ехидную физиономию домового духа. Соломенное тело с лёгким шуршанием подрагивает, будто смеётся, и до меня, наконец, доходит:

– Вы сразу всё поняли, да? – осторожно спрашиваю. Не хочу радоваться раньше времени и питать ложные надежды.

Клянусь, в один момент мне показалось, что оно закатывает глаза. Домовладыка сдавленно хихикает и, отплыв по воздуху, возвращается на сиротливо стоящий каркас.

– Проверку прошла, – невозмутимо пожимает плечами, а я неуверенно улыбаюсь.

Значит, не всё потеряно? У меня есть шанс?

– То есть, вы не злитесь на меня за то, что я оказалась в теле леди Эллеринг?

Пугало мотает головой так быстро, что я опасаясь, как бы не слетел горшок, что держится на тонком пучке соломы.

– Злиться? – спрашивает у меня. – А зачем? Я тут от скуки едва не усох, а ты сделаешь мою жизнь гораздо веселее. Но учти, я всё ещё хранитель усадьбы, и если ты задумаешь что-нибудь недоброе...

– Нет-нет, что вы! – теперь уже я вожу головой по сторонам, помогая себе руками. – Я лишь хочу восстановить

усадьбу и прожить в ней спокойную, а главное, долгую жизнь до самой старости.

– А как же лорд? – пугало склоняет голову на бок, и она едва не падает, но он вовремя удерживает её конечностями.

При упоминании Эйвара, внутри всё болезненно сжимается, и вместо ответа я неопределённо машу рукой.

– Ладно, контакт налажен, давай заниматься делами, – Влад (так я решила называть про себя Домовладыку), потёр пучки-пальцы друг о друга и с видом барина осмотрел кухню. – Помочь я тебе помогу, но и самой придётся постараться. Открой кран, пускай пробежит вода. Аккуратно распотроши матрас и вытащи сено. Замочи ткань в мыльной воде, новое сено возьми в сарайке. Оно, конечно, лежалое, но и ты у нас не роза майская. Потерпишь с недельку, не разломаешься. Я же вымету мусор и смахну пыль для начала.

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Мне помогает сам дух усадьбы!

Не удержавшись, я подбегаю к соломенному пугало и осторожно обвиваю его руками, чтобы не сломать:

– Спасибо, Владушка!

И тут же одёргиваю себя! Сейчас ка-а-а-к разозлится за проявленную фамилльярность!

– Иди, иди, давай, – смущённо ворчит пугало, мягко подталкивая меня к выходу. – Надо управиться до заката. После наступления темноты из дома выходить категорически нельзя.

– Почему? – наостряю уши.

Домовладыка не спешит с ответом. Шумно вздыхает и тихо-тихо шелестит:

– Им это не нравится.

Глава 19

– Им? – удивлённо переспрашиваю у Влада, в мыслях представляя себе всё, что подбрасывает уставший разум.

И орды нежити, и стаю злобных волков, и вооружённых бандитов, промышляющих разбоем по ночам.

– Им, – пугало кривит нарисованный рот и тот превращается в тонкую ниточку со стежками.

Мол, даже не спрашивай.

“Ладно”, – думаю, оттащив матрас подальше от дома в заросли осоки. Вытаптываю небольшую площадку, аккуратно распарываю его по шву и, подняв за узкий бок, вытряхиваю слежавшееся сено.

Пыль летит в нос, лезет в рот. Чихаю, прикрывая лицо рукавом и упрямо смыкаю губы. Желудок призывно урчит и чувствительно жётся, громко напоминая о том, что в последний раз я ела, когда...

И правда, когда?

Не помню.

Человеческое тело способно на удивительные вещи. Занятая другими мыслями, я и не вспоминала о еде, а сейчас, наоборот, ни о чём другом думать не могу!

Свернув ткань в рулон, возвращаюсь в дом и прохожу на кухню мимо пугала, задорно орудующего обеими конечностями как мётлами.

В большой раковине журчит чистейшая на вид вода. Сперва мою руки, а после, решившись, слизываю каплю с указательного пальца.

М-м-м!

Чистейшая, холодная и такая вкусная!

Складываю ладони лодочкой и вдоволь пью, чтобы хоть немного утолить жгучее чувство голода. Жжение уменьшается, и я, кряхтя с непривычки, споласкиваю бадью, а после наполняю водой до половины и размыливаю в ней мыло. Когда поверхность становится мутной, окунаю ткань и дожидаясь, пока та насквозь пропитается водой.

“Надо найти ванную, – решаю я. – Вряд ли семья лорда мылась в тазиках или дружным строем ходили в баню.”

Но это позже. Сперва как следует осмотрюсь в сарайке и подготовлю сено на замену.

В гостиную пыль столбом!

Владушка на бреющем полёте снимает чехлы с мебели, набрасывая их на оставленный каркас. Глаза пугала сияют, а из глубины горшка доносится глухое мурчание, похожее на песенку.

– Давай, давай, потом полюбуешься, – радостно командует домовый дух, совершая в воздухе головокружительный кулбит. Шляпа тут же падает на пол, но Влад сноровисто ловит её в воздухе.

Хорошее настроение пугала передаётся и мне. Руки чешутся заняться работой! Но едва я выхожу на крыльцо, как

навстречу мне спешит жена старосты – та самая дородная дама.

– Здравствуйте ещё раз, – приветствую женщину, сжимающую в руках большое блюдо, накрытое серым полотенцем с красными вышитыми узорами по бокам.

– Я не помогать, – тут же отрешивается она и слегка неуверенно протягивает мне блюдо. – Вы, наверное, голодны. А мы не звери. Ешьте, ежели уж не побрезгуете.

Руки предательски дрожат, когда я принимаю ещё тёплое блюдо. От лёгкого ветерка полотенце сдвигается, и мой рот тут же наполняется слюной.

Пирожки!

Круглые! Румяные!

– Спасибо огромное! – в сердцах восклицаю я, и готова расцеловать женщину, только внешне кажущуюся суровой. Щёки гости заливаются румянцем, а глаза блестят.

– Блюдо верните, – грозит мне пальцем и отчего-то со всех ног улепётывает прочь.

Обед поднимает настроение. Солнышко приятно пригревает макушку, пока я торопливо расправляюсь с пирожками на целых ступеньках крыльца. Оставляю несколько на ужин и пару Владушке.

Не знаю, чем питаются домовые духи, но вдруг не откажется?

За хлопотами проходит остаток дня.

Почувствовав прилив сил, я успеваю прополоскать мат-

рас, найденное в шкафу постельное бельё и высушить их под горячим солнышком. Набиваю сеном, домываю окна и большую чугунную ванну, обнаружившуюся за неприметной дверью на втором этаже.

Заливаю золу и убораю настаиваться. Мыло почти закончилось, и неизвестно, когда удастся купить ещё.

Владушка носится как электровеник, и без его помощи я бы вряд ли справилась. Смахивает пыль, паутину, протирает влажной тряпкой все поверхности, моет полы в гостиной и мезонине, а когда солнце касается линии горизонта возвращается на каркас с категоричным:

– Всё, до утра меня нет.

От пирожков, кстати, отказывается, но по несмелой улыбке, проявившейся на голове-горшке, было видно, что ему приятна моя забота.

Сполоснувшись в ванной под прохладной водой, вытаскиваю из дорожной сумки откровенную ночную сорочку, которая скорее демонстрирует, нежели скрывает.

В комнате жарко, и я вытягиваюсь на чистой простыне, пахнущей хозяйственным мылом.

– Не надейся стать вдовцом Эйвар, – хмыкаю, глядя в потолок. – Я справлюсь и буду счастлива.

Сено ещё не улеглось и чувствительно колет спину, но усталость даёт о себе знать. Я быстро засыпаю, но внезапно просыпаюсь от того, что кто-то тихо стучит в моё окно.

Глава 20

Лорд Эйвар Эллеринг

– Лорд Эллеринг, прошу вас, – лакей с натугой открывает передо мной тяжёлые двери, а после сгибается в низком поклоне.

Неторопливо прохожу в королевский кабинет и тут же выпляю взглядом прибывших на Совет.

Его Величество собственной персоной, куда же без него. Всюду норовит сунуть свой королевский нос, особенно куда не просят. Глаза прищурены, а русые брови хмурятся, не находя раскаяния на моём лице.

Королевский советник, он же главный подхалим, заведев меня, что-то шепчет на ухо королю, поглядывая на меня с неприкрытым злорадством.

Министр образования лорд Пэйсли безостановочно вытирает потемневшим платком взмокший лоб. Ноздри улавливают кислый запах пота, который тот старается скрыть под душлимой вонью цветочного одеколona.

Байрон Бэлтон рассматривает портрет королевской четы, едва заметно кивнув в знак приветствия.

Лица ещё пятерых министров сливаются в одно белое пятно. Коротко киваю и расправляю плечи, желая поскорее разобраться с письмом Виктории, а затем вернуться в академию.

И без них хреново.

В ночь, когда разразилась непогода, меня покинул Зверь. Вырвался из тела, не спрашивая дозволения, и с тех пор я не чувствую вторую ипостась.

Злится, что я не пожелал спасти Викторию. Показывает характер.

Ещё и эти напыщенные идиоты считают себя вправе решать мою судьбу.

– Лорд Эйвар Эллеринг, – король нарочно медлит, не позволяя занять мне единственное пустующее место. Заставляет стоять и приковывать к себе взгляды недалёких баранов, получивших свои должности благодаря происхождению и связям. – Совет ознакомился с письмом леди Виктории Эллеринг.

– Хорошо, – сухо отвечаю, встречаясь равнодушным взглядом с Его Величеством.

Потерплю полчаса, выслушаю назидательную речь, пообещаю вести себя прилично, пока не утихнут сплетни, и вернуться к привычной жизни.

Надо ещё вызвать к себе Элизабет для разрядки. Хотя за эти дни девчонка успела мне изрядно надоесть.

– Леди утверждает, что случай на лестнице был не первым, когда вы применяли к ней рукоприкладство.

Слова короля обрушиваются ледяной волной, и я едва сдерживаюсь, сохраняя каменное лицо. Не приемлю демонстрации эмоций на глазах у посторонних.

В венах закипает злость, разливаясь по телу обжигающей лавой попеременно с кислотой.

Эта лицемерная дрянь посмела солгать не только мне, но и королю?

Верхняя губа дёргается против воли, выдавая клочущую внутри ярость. Сжимаю губы в тонкую полоску, а пальцы в кулаки. Хотя сейчас с удовольствием сомкнул бы их на белом девичьем горле.

– Вам есть что сказать в свою защиту, лорд Эллеринг?
В защиту?

Звучит как вызов. Разве я похож на того, кто будет оправдываться и защищаться?

– Я должен лично убедиться в подлинности письма, – холодно отвечаю, но король передаёт свёрнутый вчетверо лист советнику, а тот сноровисто прячет его в карман.

– К сожалению, вынужден вам отказать.

Лыбится, идиот. Чувствует себя под защитой.

Хотя знает, что я запросто сотру ухмылочку с его лица, но брезгую руки марать об этого червяка.

– Лорд Эллеринг, – лорд Пэйсли откидывается на спинку кресла, глядя на меня снизу вверх. – Учитывая внушительный список ваших заслуг и блестящую работу ректора без единого нарекания, мы не готовы вынести окончательное решение. Рекомендуем вам покинуть Алдервиль. Но не просто так: на окраине королевства неспокойно. Вам надлежит выбрать лучших выпускников боевого факультета и разведать

всё на месте. Отбытие через десять дней.

Надо же.

Удивлён. Честно.

Хотя чутьё подсказывает, что здесь определённо есть под-
вох.

– Отбытие куда? – интересуюсь, вопросительно изогнув бровь.

– В Змеиную Пасть, милорд.

Глава 21

Виктория Эллеринг

Тру заспанные глаза, прислушиваясь к шуму за окном.

Наверное, это ветер колышет ветки, и те приглушённо хлопают листьями по стеклу.

Переворачиваюсь на левый бок, лицом к стене и морщусь от чувствительного укола острым, сухим стеблем сквозь плотный слой ткани и простыню.

“Вот обживусь, накоплю и сделаю себе пуховую перину,” – мечтаю, и краешки губ расползаются в улыбке. Сквозь полу-прикрытые глаза разглядываю едва заметные узоры на стене.

Тук-тук-тук! Тук-тук!

Нет, это не ветка. Если только деревья не научились азбуке Морзе. Сначала три быстрых стука, пауза в пару секунд и ещё два.

Страх окутывает меня с ног до головы липким, холодным коконом. Каждую клеточку тела пробивает озноб, и, несмотря на жару в комнате, я заматываюсь в пододеяльник, превращаясь в гусеничку с высунутыми наружу руками.

Осторожно поворачиваю голову, но изголовье находится справа от окна, и я не вижу, кто этот незванный визитёр.

Прокашливаюсь и сурово чеканю:

– Уходите прочь!

Правда, сурово это слышится лишь в моей голове, а на

деле из горла вырывается жалкий писк. Таким никого не напугаешь.

Тук-тук-тук!

Мысленно считаю до трёх и решаюсь встретиться лицом к лицу с ночным кошмаром. Нарочно отворачиваю голову, пока выпутываюсь из пододеяльника, ставлю босые ступни на тёплые доски и быстро, опасаясь передумать, выпрямляюсь.

Сглатываю застрявший в горле ком, поворачиваюсь лицом к окну и медленно оседаю на пол. По другую сторону стекла на меня смотрит жуткая потусторонняя морда с горящими вертикальными зрачками.

– Отче наш! – сбивчиво бормочу я и принимаюсь крестить свирепую клыкастую рожу, а она, вместо того, чтобы зашипеть и растаять, лишь недоумённо хлопает глазами.

Подождите!

Взгляд знакомый.

Прищуриваюсь и бесстрашно подползаю поближе, узрев в ночном госте спасшего меня от летунов дракона.

– Здравствуй, мой хороший! – воркую, распахнув окно, и провожу ладонью по сухой, горячей чешуе у носа.

Дракон миролюбиво урчит и прикрывает глаза от удовольствия. Ловит щекой ладонь, ластится как кот, выдыхая тонкие струйки дыма, приятно пахнущие костром.

– Чем бы тебя угостить? – верчу головой по сторонам и замечаю прихваченный на ночь пирожок. – Будешь? Правда, он с капустой.

Хватаю сдобу, кладу на раскрытую ладонь и протягиваю красавцу-зверю, но вдруг откуда-то издалека доносится раздражающий душу вой.

Дракон рычит и неохотно отступает. Глаза наливаются жидким пламенем, а зрачок пульсирует, то сужаясь, то затапливая чернильной тьмой всю радужку.

– Тебе пора? – спрашиваю с лёгкой грустью, глядя на кушочек вкусной сдобы. – Ты ещё вернёшься?

Махина раскрывает пасть и моментально смахивает угощение своим длинным шершавым языком. Благодарно тычется носом в ладонь и несколько раз кивает, а после мордой закрывает створки.

– Приходи ещё! – кричу вслед взмывающей в небо махине, машущей гигантскими крыльями. – Я буду ждать!

Удивительное создание!

Размером с особняк, а ни одно деревце, ни один кустик не примял.

Надо будет припасти для него что-нибудь мясное.

После дружеского визита я моментально засыпаю. Чувствую себя в полной безопасности, а в глубине души растёт ощущение чего-то радостного.

И предчувствие сбывается.

Утром просыпаюсь от громкого гвалта у крыльца, который слышен даже через закрытое окно.

У распахнутой двери завис на одном месте Владушка, шурша соломой:

– Там это, к тебе пришли. Вилы и косы не взяли, значит, с хорошими вестями.

Торопливо надеваю платье, собираю волосы в дулю и бегу вниз, а на крыльце замираю, обводя взглядом внушительную толпу.

– Леди Эллеринг, мы к вам с благодарностью, – вперёд выходит уже знакомая дама, с широкой улыбкой на круглом лице.

– С какой? – растерянно хлопаю ресницами и, кажется, ничего не понимаю.

– Так вы же защитника привели! – поясняет жена старосты. – А мы-то думали вы так... Да что ж я заболталась, мы же помогать пришли. Приказывайте, с чего начать?

Глава 22

Десять дней спустя

– Левее! А теперь – правее! Оглохли? Левее, говорю!

Разгибаю спину и вытираю пот со лба, глядя, как Вильям – младший брат старосты, командует стайкой подростков, прибывших на выходные из городка по соседству.

– Вот разорался же, – добродушно ворчит Эмма – та самая дородная дама, с которой я успела подружиться.

Ну как подружиться, жена старосты всё ещё относится ко мне с пиететом. Всё же я – леди. А леди не пристало водиться с простолюдинами.

Но каждый вечер мы мирно пьём травяной чай с пирожками и обсуждаем планы по восстановлению усадьбы. Получится – замахнёмся на возрождение деревни.

Правда, от меня до сих пор скрывают причину запустения, а на все вопросы машут руками, говоря: “Не знаете – и ладно. Спать будете крепче. Он в обиду не даст.”

Как оказалось, десять дней назад появление дракона переполошило всю округу. Привыкшие спать чутко, деревенские сгрудились у окон и с благоговением провожали взглядами огромную крылатую зверюгу.

Я с великой благодарностью приняла помощь деревенских, и сама работала не покладая рук. Владушка, не желающий показываться им на глаза, приводил в порядок второй

этаж, разбирая комнаты, а утром будил на рассвете и привычно брюзжал, пока я завтракала.

– Проходной двор! Когда это закончится? – патетично кривил нарисованный рот, а чёрные неровные брови складывались жалостливым домиком. – Старик Дасти вчера по ошибке занёс дрова вместо кладовой в кухню и назвал меня образиной соломенной! Сам такой!

– Ты же понимаешь, что даже с твоей помощью я бы провозилась до Нового Года? – усмехалась я, глядя на королеву драмы с головой-горшком. – Кто бы мог подумать, что дракон...

– Дракон-дракон, – передразнил меня домовый дух, скорчив забавную рожицу, а лапами изобразил нечто, бросившее тень на стену в виде зубастой ящерицы. – Ты хоть знаешь, кто он?

– Не-а, – честно призналась я. – Но он ни разу не дал понять, что человек. Ни заговорил со мной, ни обратился. Наверное, сам по себе. Особенный. И знаешь, Владушка, это даже хорошо. Я бы сильно разочаровалась, если бы его человеком был такой, как Эйвар.

– Глупышка ты моя, – вздохнул дух и, слетев с каркаса, погладил меня по голове соломенной лапой. – Ну кто ж знал, что он... такой. Ну ничего, Вика, я тебя в обиду не дам. Ты вдохнула жизнь в этот дом.

Я порывисто обняла чучело и тут же ослабила хватку, стараясь не повредить хрупкую солому. Как же здорово, что я

не одна!

У меня есть Владушка, деревенские не обходят меня стороной. Люди они простые, добрые, прямые. Можно не ждать от них лицемерия и коварства.

– Леди Эллеринг, – из воспоминаний меня выводит задумчивый голос Эммы. – Крышу укрепили, траву скосили, забор поставили, грядки разбили. Но вот огород вспахать, чтобы урожай собрать до осени – на это лошадь нужна, а у Вильяма как раз конь захворал. Да и семена надо бы под посадку. А ещё баньку поправить. Хотя вам, благородным, наверное, по нраву ванны.

“А ещё пополнить продовольственные запасы, – перечисляю про себя, загибая пальцы. – Не век же питаться за счёт соседей. Обновить кухонную утварь, мелочи по дому, а в огороде парник поставить, а то и два. Курочек завести, козочку...”

Где бы только денег взять?

Виновато улыбаюсь Эмме и сжимаю в белых от напряжения пальцах тяпку. Готова вернуться к прополке маленькой заросшей клумбы, чудом сохранившейся от прежних хозяев, как слышу восхищённые возгласы ребят:

– Едут!

– Ничего себе!

– Тётя Эмма! Леди Эллеринг! Там отряд едет по деревне!

– Целый отряд! С каким-то грозным дядькой!

Глава 23

Деревенские, притихнув, переглядываются. Лица не выражают радости, скорее тревогу и беспокойство.

Кому понадобилось тревожить налаженный быт десятка дворов на краю королевства?

Вряд ли этот “грозный дядька” прибыл с хорошими новостями.

Сердце сжимается от дурного предчувствия. Бросаю быстрый взгляд на дом и вижу в окне мелькнувшее соломенное тело в неизменной клетчатой рубаше.

Эмма, прошептав что-то неразборчивое, смотрит на меня слегка виновато:

– Сделаем перерыв?

– Конечно-конечно, – бормочу я. Они же добровольно мне помогают, значит, вольны уйти в любой момент.

Жена старосты откладывает в сторону грабли, смахивает рукавом пот со лба и перевязывает платок, под которым скрывается скрученная баранкой толстенная русая коса. Отряхивает платье от налипших травинок и, сердито прикрикнув на возбуждённых сорванцов, спешит к широкой дороге, догоняя остальных.

– Пс-с-ст! – слышу приглушённый свист и, обернувшись, вижу в дверях встревоженного Владушку. Угольные брови нахмурены, образуя галочку над дырами-глазами. Рот слегка

перекошен.

– Что такое? – подбегаю к нему и оглядываюсь, в надежде, что во дворе никого не осталось.

Ещё потом замучаешься объясняться, чего это я веду беседы с пугалом.

– Я бы на твоём месте тоже пошёл, – неохотно выдаёт домовый дух, убрав руки-плети за спину. – Так тебе будет проще.

– Проще что? – допытываюсь у Владушки, но он, проигнорировав мой вопрос, улетает в дом и нанизывается на каркас.

– Иди давай, – ворчит, – пока не стало поздно.

Растерянная, но заинтригованная, выбегаю через новенькую калитку и спешу изо всех сил, стараясь догнать остальных.

В своей голове уже веду переговоры с отрядом от имени владелицы усадьбы. Вдруг мне одолжат коня вспахать землю под огород?

Мысленно предвкушаю, как буду сажать репу и морковь. От местных я уже узнала, что о картошке и огурцах здесь слыхом не слыхивали, а помидоры сажали вместо цветов. Затем незрелые плоды варили вместе с отрубями, и этой смесью кормили свиней.

Попробую взять пару кустиков, дожждаться созревания плодов и часть пустить на кетчуп, а из другой сделать томатный сок.

Ещё грядочки под лук, под чеснок, посадить зеленушку

и к осени первый урожай, пускай и небольшой, будет готов. А там и...

Выбежав из-за поворота, я оказываюсь за спинами деревенских, гудящих и толкающих друг друга локтями. Перед ними возвышаются десять плечистых парней, а в центре...

— ...! — с чувством выдаю земное непечатное ругательство, замечая лорда Эллеринга на огромном вороном коне. Глаза животного сверкают, сбруя, расшитая золотом, горит и переливается на солнце.

Лорд Эллеринг что-то выговаривает старосте, что вынужден смотреть на него снизу вверх. Мерзавец даже не потрудился слезть со своей громадины, всем видом источая превосходство и показывая, кто тут истинный хозяин.

Статный, эффектный в своей жестокой, драконьей красоте. Тёмные волосы слегка треплет лёгкий ветерок, глаза смотрят на мужчину с ироничным прищуром. Губы презрительно поджаты.

— Ненавижу, — шепчу вполголоса и сжимаю кулаки до белых костяшек.

А так всё хорошо начиналось! И чего припёрся? Решил, что поступил слишком благородно и захотел выгнать меня из усадьбы?

Ничего у тебя, гад чешуйчатый, не получится!

— Внимание всем! — староста поворачивается к нам лицом и повышает голос, чтобы услышал каждый. Лорд Эллеринг с явной скукой окидывает взглядом немногочисленную кучку

деревенских.

Внезапно взгляд останавливается на мне, и клянусь, не показалось! Чёрные драконьи очи удивлённо округляются.

Правда, в следующий момент брезгливо морщится и отворачивается.

– Уважаемые жители Змеиной Пасти! – староста разворачивает свёрнутую в трубочку бумагу и медленно, по словам, зачитывает текст, периодически поглядывая на нас. – Настоящим объявляю, что по распоряжению Его Величества в Змеиной Пасти на ближайшие три месяца расквартируется элитный отряд лучших боевых магов королевства.

– Лучших? – я удивлённо вскидываю брови, а память подбрасывает потускневшее, обрывочное воспоминание Виктории о том, как эти “лучшие боевые маги” бледнели и потели у дверей аудитории во время годовых экзаменов.

– Тс-с-с, – один из мужчин, кажется, его зовут Митра, оборачивается и прижимает палец к губам.

– Возглавит этот отряд сам ректор Высшей Академии Алдerviлля, почтенный лорд Эйвар Эллинг. Это большая честь для нашего поселения!

Деревенские вразнобой кланяются перед драконом, а он и бровью не ведёт.

Нахал самодовольный.

– В связи с этим всем жителям Змеиной Пасти надлежит неукать... не-у-кос-ни-тель-но следовать распоряжениям отряда. Помните, что это исключительно для вашего

же блага и безопасности.

Воцаряется звенящая тишина, прерываемая лишь тихим лошадиным хрипом да шелестом бумаги в руках у старосты.

Крякнув, он почёсывает затылок и вздыхает так, чтобы Эйвар не заметил:

– От имени старосты Змеиной Пасти прошу каждого из вас оказать поддержку нашим доблестным защитникам границ.

После разворачивается к лорду Эллерингу и громко, чтобы слышал каждый, спрашивает:

– Милорд, ваши боевики могут занять пустующие дома, либо жители готовы приютить у себя по два-три человека, а вы лично можете остановиться под моей крышей, пока ваша усадьба не...

Эйвар небрежно останавливает его взмахом руки, вынуждая замолчать.

С лёгкостью и хищной грацией спешивается с коня и медленно идёт прямо на толпу. Местные торопливо расступаются, образуя живой коридор, и дракон замирает в шаге от меня.

Тяжёлый взгляд давит. Стремится завоевать и подчинить. Указать мне место и напомнить, кто я такая.

Кончики пальцев предательски дрожат, и я снова, как наяву чувствую жёсткий толчок в спину.

Дыхание перехватывает, и я тяжело сглатываю, встретившись с ним глазами. Лёгкие горят, требуют воздуха, но я ни

на секунду не прерываю зрительный контакт.

Перед глазами всё плывёт, тело ведёт в сторону, и я прикладываю все силы, чтобы удерживать себя прямо.

Но едва не оседаю, услышав надменное:

– Я буду жить в моей усадьбе. Это не обсуждается

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.